Взгляд из ночи

Автор:

[Алекс Орлов](#)

Взгляд из ночи

Алекс Орлов

Тени войны #4

Джек Саймон и Хейс Тернер, поселенцы с планеты Габон, спасаются от дикарей канино в бункере грузового звездолета. Однако их корабль оказывается в руках космических пиратов. Межзвездные бандиты, услышав рассказ пленников о кровожадных дикарях, решают отправиться на Габон, чтобы заняться работоторговлей, но эта задача оказывается им не по силам, ведь канино прибыли на Габон из параллельного мира, и следом за ними идут те, кто значительно опаснее...

Алекс Орлов

Взгляд из ночи

1

Трактор медленно полз по каменистому полю. Время от времени плуг ударялся о камень, и на поверхности появлялся очередной валун.

После каждого удара сидевший за рулем фермер оборачивался, проверяя, не поврежден ли плуг, ему очень не хотелось снова чинить его, поскольку запасного лемеха не было и пришлось бы что-нибудь придумывать.

Уже в третий раз за последние три года Джеку Саймону приходилось распахивать целину. Три раза он бросал обработанные земли, дом и уходил на восток, спасаясь от диких племен. И всякий раз происходило то же самое – выжженный круг и черный столб из эбенового дерева, вкопанный посередине поля. Так канино метили свою территорию, и это означало, что нужно уходить.

Джек пытался сопротивляться и уложил из своего «бангоу» немало дикарей, но он был один, а дикари в лесу плодились, как мыши. Если они не могли победить днем, то приходили ночью и все равно добивались своего.

В памяти Джека были живы хорошие времена, когда на Габоне было столько фермеров, что в кабачке «Кри-Лимпонас» не хватало места для всех желающих. Сколько же с тех пор прошло лет? Семь или восемь? Джек уже не помнил точно. Дорога в город заросла кустарником и жесткой осокой, а сам город превратился в развалины.

Из-под самых колес трактора выскочила полевая белка и запрыгала по вспаханной меже, держа в зубах своего детеныша.

Джек посмотрел ей вслед и покачал головой. Эти грызуны были очень плодовиты и весьма запасливы. Если здесь много белок, то неизбежны большие потери.

Трактор зачадил и вывернул еще один камень. Он оказался особенно большим.

Джек обернулся и проследил, как плуг проскрежетал по булыжнику и снова вошел в землю.

Эх, разве это пахота! Вот на первой делянке была земля так земля. Тамошние поля давали Джеку Саймону невиданные урожаи. Почва была такой жирной, что зеленые ростки появлялись уже через неделю после окончания сезона саранчи. Все фермеры от долины Фрайсгуд до Периколы завидовали Джеку и ежегодно предлагали за его землю хорошие деньги.

Урожая с тех полей хватало, чтобы наполнить мерный бункер за два сезона. Потом бункер стартовал, увозя зерно на элеваторы «Виллидж-Плейс», а возвращаясь обратно, привозил Джеку все заказанные им товары. Кое-что

удавалось положить и в банк, но теперь – где банк и где Джек Саймон!

Неожиданно трактор кашлянул и заглох. Джек подергал рычаг, но мотор не заводился.

– Ты что это удумал, а? – спросил фермер своего железного коня, но тот ничего не ответил.

Джек спрыгнул на землю и, подойдя к баку, щелкнул по нему пальцем. Пустая емкость отозвалась глухим звуком.

– А, прости, брат, сейчас схожу за керосином... – извиняющимся тоном проговорил Джек и, взяв из-под сиденья пустую канистру, отправился к ближайшей касторовой роще.

Дорога была ровной, однако идти мешал тяжелый «бангоу» с отпиленным стволом, который бил по ногам. Джек с удовольствием оставил бы оружие дома, но это было небезопасно.

Через полчаса он перевалил через холм и стал спускаться к реке. Навстречу ему поплыли ароматы водорослей, перебиваемые резким запахом керосина. До касторовой рощи оставалось совсем немного.

Джек спустился к реке и наполнил водой старую алюминиевую фляжку, сохранившуюся с лучших времен. Он купил ее еще в Периколе, в магазине скобяных товаров «Троттер и сын». Это был хороший магазин.

Освежив лицо, Джек подобрал канистру и пошел к своей касторовой роще, выходящей почти к самой воде. Осторожно сняв первую жестянку, он заглянул внутрь. За сутки набралось больше двухсот граммов. Для нового дерева это было не так плохо. Позже, через полгода или чуть больше, деревья «раздоятся» и начнут давать до литра керосина в сутки. Так было в первой роще Джека, где он собирал керосин в течение четырех лет. В ней росли два дерева-рекордсмена, дававшие по полтора литра...

Джек достал скребок, прочистил сборную канавку и перешел ко второму дереву. Здесь набралось почти триста граммов. Впервые за сегодняшний день Джек

улыбнулся: роща обещала быть щедрой.

Неожиданный посторонний звук привлек внимание сборщика. Он прислушался и совершенно отчетливо разобрал треск сучьев. Кто-то напролом продвигался по берегу реки.

Джек опустил канистру и сдернул с плеча «бангоу». Шум приближался. Джек перебежал к кусту перелесника и затаился.

Вскоре стало ясно, что шум производили люди. Заросли перелесника раздвинулись, и на небольшое открытое место, пыхтя и спотыкаясь, вывалилась группа канино, волокущая на своих плечах тяжелый столб из эбенового дерева.

У Джека тяжело бухнуло сердце – он еще не распахал поле, а канино уже волокли новый столб. И куда – в его касторовую рощу! Они прекрасно знали, что без рощи фермер не сможет обрабатывать поля и уйдет сразу. Но Джек не мог идти дальше, у него не было запасов еды. Полмешка сушеного фитиса, маленьких мучнистых шариков, вот и все. Остальное – семенной фонд. Джек нуждался в передышке, он обязательно должен был собрать хотя бы один урожай, иначе на подножном корму ему не пережить сезона саранчи. Фермер давно уже не стрелял в канино и предпочитал уходить сам, но сейчас у него не оставалось другого выхода.

Дикари тяжело дышали и вытирали пот. Должно быть, тащили этот столб не менее десяти километров, а может, и больше. Их босые ноги кровоточили, а длинные волосы слиплись от пота. Джек вздохнул и поднял обреза.

«Бангоу» коротко рявкнул, и пронзенные одной пулей четверо дикарей повалились на землю, тяжелый столб упал рядом. Остальные пятеро схватились за дротики и помчались прямо на куст, за которым сидел Джек. Они угрожающе орала и скакали как дикие козлы. Джек выстрелил второй раз, и еще двое дикарей покатались на землю. Теперь их оставалось трое – против трех последних патронов, но заряды были на вес золота, и, недолго думая, Джек выскочил из кустов.

От неожиданности дикари остановились, и это дало Джеку неоспоримое преимущество. Он взмахнул стволом ружья, и первый канино отлетел далеко в сторону. Двое других атаковали фермера, делая яростные выпады дротиками,

однако Джек удачно парировал их удары и вскоре закончил бой в свою пользу.

Когда последний противник пал, Джек едва не повалился рядом – настолько он устал. Даже с отпиленным стволом «бангоу» весил добрых одиннадцать килограммов, фехтование им требовало известной силы.

Восстановив дыхание, Джек огляделся и принялся перетаскивать трупы к реке. Это было нетрудно, поскольку канино оказались необыкновенно худы. Некоторые из них еще подавали признаки жизни, но Джек старался не думать об этом, сбрасывая тела в воду.

Дикари не старше шестнадцати лет, родились и выросли в лесу, а те, кто постарше, должны были помнить и Периколу, и ту жизнь, которая когда-то мирно текла в городе. Что же заставило этих людей уйти в леса и начать войну против цивилизации?

Джек помнил первый исход из Периколы. Тогда в лес ушла почти тысяча семей. Они ничего с собой не взяли, их дома выглядели так, будто хозяева вышли на минутку. Но проходил день, другой, а дома с распахнутыми дверями оставались стоять пустыми.

Криминальная полиция города подняла тревогу, когда в опустевших кварталах появились мародеры. Вот тут-то и выяснилось, что людей нет. Позже появились очевидцы, видевшие за городом голых людей, которых они принимали за нудистов. Затем в полицию посыпались заявления от родственников пропавших, и на Габон была вызвана комиссия по расследованию факта исчезновения людей.

Вскоре их нашли. Они жили в шалашах в двадцати километрах от Периколы. Эти люди не желали общаться с посторонними и наотрез отказывались покидать свой лагерь.

Власти применили силу, и всех беглецов привезли в городской госпиталь в смиренных рубашках. На Габоне появились светила психиатрии из Центральных миров, но и они спустя полгода развели руками, не в силах понять, что случилось с их пациентами.

Через несколько месяцев произошел еще один исход. На этот раз ушла едва ли не четверть населения Перикола, город покинули даже те, кто еще вчера вел себя вполне обычно.

Новому десанту психиатров помешал начавшийся военный конфликт между гиперкорпорациями «СОКТА-Х» и «ФЕРМО». Молодые миры Северного сектора погрузились в пучину войны, и все незначительные события вроде бегства городских жителей в леса быстро отошли на второй план.

На Габон попеременно высаживались то десантники «СОКТА-Х», то командос «ФЕРМО». Когда все это закончилось, Перикола была пуста, а на полях фермеров вскоре стали появляться черные столбы...

Джек закончил с телами и начал собирать примитивное оружие дикарей, с которым они так успешно воевали против цивилизации. В основном это были палки с примотанными проволокой ржавыми кухонными ножами, а то и просто осколками стекла.

Бросив дротики в реку, Джек попытался столкнуть туда и черный столб, но это оказалось нелегко. Он, хотя и выглядел как деревянный, весил словно каменный. Проведя ладонью по его поверхности, Джек удивился тому, как примитивные канино, которые были не в состоянии изготовить приличный дротик, смогли так чисто обработать поверхность.

Действуя «бангоу» как рычагом, он перекатил черный столб к реке и столкнул его в воду. Как и следовало ожидать, столб сразу пошел на дно, и Джек снова задумался: что заставляет канино таскать за собой такую тяжесть? Неужели нельзя отмечать свою территорию как-то иначе?

Осмотрев недавнее поле битвы, он остался доволен наведенным порядком. Остались, правда, потеки крови, но через день их не будет, об этом позаботятся солнце и лесные обитатели. Джека волновало другое – не появится ли здесь завтра новый отряд канино с еще одним черным столбом? Надолго ли он отбил от непрошенных гостей?

Ответить на эти вопросы могло только время. Повесив ружье на плечо, Джек пошел в рощу, чтобы вернуться к прерванной работе.

Керосина набралось почти восемь литров, и это был неплохой результат. А ведь поначалу Джеку не понравилась касторовая роща, стоявшая у реки. В таких местах деревья давали мало керосина, но следующая роща была слишком далеко, и он решил попытать счастья в этой...

Прочистив канавки на всех деревьях, Джек подхватил канистру и отправился в обратный путь.

Идти пришлось в гору, поэтому вскоре пришлось остановиться, чтобы передохнуть. Не то чтобы он сильно устал, просто привык экономить силы, впереди был целый день работы в поле. К тому же эта стычка с дикарями заставила его основательно попотеть. Если бы не «бангоу»... Джек благодарно погладил поцарапанный ствол обреза:

- Спасибо, старик, сегодня ты вел себя молодцом...

За много лет, прожитых в одиночестве, Джек привык относиться к вещам как к одушевленным предметам. Разговаривал с ними и ругал, если те делали что-то не так. Иногда он думал, что сходит с ума, и переставал говорить трактору: «Доброе утро», а прицепной сеялке: «Кидай чаще!», но это было тяжело. Это означало вообще молчать целыми днями, что вполне могло привести к сумасшествию, и Джек снова начинал разговаривать.

В свое время он не меньше четверти часа извинялся перед ружьем за то, что решил укоротить ему ствол. Времена наступали сложные, и появляться на поле без оружия становилось опасно, но «бангоу» имел непомерно длинный ствол и таскать его с собой не было никакой возможности.

Пришлось укоротить... Целиться из обреза стало труднее, но Джек отвоевал на Фиалковых морях долгих пять лет и, как ему казалось, мог бы стрелять теперь даже из палки.

Когда федеральное правительство остановило эту войну, Джек решил осесть на земле и заняться фермерством, как и его отец. Тогда-то он и улетел в Северный сектор Федерации на планету Габон. В те времена здесь еще хозяйничали огромные песчаные носороги саммо. Заходить в город они боялись, но в сельской местности чувствовали себя уверенно. Они с удовольствием поедали

урожай фермеров и вытаптывали их поля.

Вскоре в оружейных магазинах Периколы появились «бангоу». Их привезли по просьбе фермеров для борьбы с песчаными носорогами. Только пули, выпущенные из длинных стволов этих ружей, могли пробить саммо. За убитыми животными приезжали тягачи из Периколы и увозили туши носорогов в город, на фабрику удобрений.

Такие были времена...

Отдохнув, Джек снова взял канистру и двинулся дальше. Солнце поднялось уже достаточно высоко и понемногу припекало спину. Джек вспомнил, как убил первого носорога на своем поле. Тогда тоже был жаркий день и мухи тучами роились над тушей животного. Пришел тягач с тремя рабочими, и они долго возились, прежде чем закончили погрузку саммо.

Тот весил пять тонн, так сказали рабочие.

А еще Джек вспомнил курьезный случай, связанный с теми же саммо, когда его сосед-фермер, Билли Маркин, решил взорвать носорога, чтобы его останки разлетелись по полю и послужили в качестве хорошего удобрения. Дело казалось несложным, носороги протоптали тропу прямо посередине поля, Билли оставалось только заложить семь килограммов «лазурита» и ждать свою добычу.

Ему все удалось – ночью прогремел взрыв, а утром довольный фермер отправился на поле и обнаружил там сотни шакалов, диких собак, енотов и других животных, пришедших закусить мясом носорога. Хищники дрались за лучшие куски и гонялись друг за другом, в результате поле Билли Маркина оказалось вытоптаным напрочь.

Когда Саймон вернулся к трактору, тот стоял на прежнем месте в целости и сохранности.

– Сейчас, сейчас, братец, я знаю, что ты проголодался... – Джек похлопал железного коня по пыльному колесу. – Сегодня хороший сбор, тебе хватит на

пару дней работы, – продолжал Джек, переливая керосин в бак. – Ты тут никого не видел? А то мы с «бангоу» вляпались возле реки в неприятную историю. Да-да, те же самые ребята... Нелегкая их принесла...

Джек завинтил крышку бака, убрал под сиденье пустую канистру и, заведя трактор, поехал. Он старался сосредоточиться только на пахоте и не зевать при появлении камней, но после стычки с канино в голову лезла всякая ерунда.

В памяти всплыло лицо Касси Урмаса.

Вернувшись однажды из города, Касси застал на своей ферме только трупы. Джек Саймон был его соседом, и Касси прибежал к нему первому, забыв даже сообщить о происшествии в полицию Перикола. «Джек, они убили Мэри и моих малышей... Как же так, Джек? Они убили всех...» – повторял Касси.

Такого в колонии Габона еще не случалось, полиция впала в полную растерянность, а Касси тем же вечером ушел в лес, взяв с собой дробовик и все патроны... Через два дня фермеры организовали отряд и пошли на его поиски. Они нашли беднягу в тридцати километрах от собственной фермы. Касси был мертв, он лежал возле пепелища деревни канино, которую сжег дотла, перестреляв большую часть ее жителей.

После того случая дикари притихли и не показывались целый год, но потом внезапно атаковали пригороды Перикола и десяток ферм. Канино понесли большие потери, но своего добились – колонисты начали покидать Габон.

Вслед за городскими жителями потянулись и фермеры. Земля долины Фрайсгуд, некогда имевшая твердую стоимость, теряла в цене. Вслед за этим разорились все банки, ссужавшие фермеров деньгами под залог их земли.

Колония Габона агонизировала. Те жители Перикола, что не успели уехать, ушли в лес и стали канино, а фермеры отступали с плодородных земель долины Фрайсгуд, двигаясь к плоскогорью Терра-Бланко.

Шли годы, и после каждого сезона саранчи все меньше фермеров выходило в поле. Когда над горизонтом поднимался столб черного дыма, становилось ясно, что еще одним колонистом на Габоне стало меньше.

Люди гибли, но это никого не интересовало – гиперкорпорации делили права на новые миры, и беспорядки на одной из планет их совершенно не волновали.

Пока Джеку везло – банды канино ни разу не застали его врасплох. Он не только уходил, но и ухитрялся спасти что-то из своего имущества. Это помогало устоять на ногах и зацепиться за землю на новом месте.

Он вспахивал целину, сеял и как-то обеспечивал себе пропитание. Теперь выращенного урожая хватало только на собственные нужды, Джек давно уже не возил фитис в свой персональный мерный бункер.

А были времена, когда, исполненный гордости, он наблюдал старт бункера, набитого отборным фитисом. Пятьдесят тонн готовой продукции улетали в космос и обеспечивали Джеку достойную жизнь.

Теперь его бункер, должно быть, покрылся ржавчиной. Джек пытался вспомнить, когда возил фитис в последний раз, но не смог... Тогда он попытался прикинуть, сколько осталось людей из тех, что когда-то жили в долине.

Выходило, что никого. Все, кого помнил Джек, уже умерли. Хотя нет, был еще один парень, но вот как его звали?

Наконец Джек вспомнил имя нелюдимого парня... Тернер... Хейс Тернер... Он редко появлялся в кабачке «Кри-Лимпонас», а если и приходил, то не искал компании и пил свой «марай» в полном одиночестве. Некоторые считали, что он зазнайка, другие – что себе на уме.

Хейс Тернер не обрабатывал свою землю, а жил на приличную пенсию. Сам вид этого человека говорил о его военном прошлом. Уж это Джек Саймон определял сразу – как-никак сам послужил в наемниках. Правда, воюя за интересы корпораций, он не заслужил никакой пенсии, следовательно, Тернер работал на государство. Жив ли он теперь? Иногда на востоке были слышны выстрелы. Может, это Тернер?

«Что ж, – сказал себе Джек, – когда станет совсем жарко, пойду на восток...»

Прошли два трудных месяца. Джек работал в поте лица и не мог себе позволить ни часа отдыха. Чтобы размяться, он ходил за керосином или совершал небольшие разведывательные рейды.

Джек выставлял в лесу «сторожки» из прутиков и тонких лиан, но всякий раз находил их нетронутыми, и это его немного успокаивало. Мысль о том, что скоро появятся канино, повергала его в панику – не хотелось бросать в земле плоды своего труда.

Наконец Джек собрал урожай и спрятал последние мешки в жестяной сарай. Фитис уродился хороший, и его было достаточно, чтобы прокормить себя в сезон саранчи и оставить что-то для следующего сева.

Теперь Джек каждое утро приходил к своему жестяному амбару и тщательно осматривал его стены. Даже маленькая щель могла стать причиной гибели всего урожая.

На восьмой день после окончания сбора появились первые толокнянки – маленькие мошки, предвещавшие наступление саранчи.

Они вились возле стен щитового домика Джека и ползали по стеклам окон. Очень любопытные и надоедливые, они лезли в глаза, уши, набивались в волосы, но были вполне безобидны и не кусались.

Через два дня толокнянки исчезли. Утром Джек вышел из дома и последний раз с особой тщательностью осмотрел стены амбара. Затем он сходил к реке, принес воды и последний сбор керосина. Канистра была почти полной, этого должно было хватить на целый месяц для освещения и разжигания печки.

Саранча пришла ночью...

Издали возник тонкий шелест, похожий на шуршание сухой листвы, а потом по крыше домика застучали первые посланцы мертвого сезона.

Сначала удары были редкими, а потом, словно учащающийся град, забарабанили по крыше, стенам и окнам дома. Джек поднялся с кровати и в кромешной темноте подошел к окну. Холодное стекло, когда он приложил к нему ладонь, легко вибрировало от движения тысяч насекомых, облепивших его дом.

Еще немного посидев у окна, Джек вернулся в кровать и быстро уснул под успокаивающие трели тысяч пар крыльев. Саранча пришла, и, значит, можно было хоть на три месяца забыть о канино.

Когда утром Джек открыл глаза, окно было залеплено слоем ползающих по нему насекомых. Наскоро умывшись, он позавтракал вчерашним вареным фитисом и, достав защитную сетку, стал готовиться к выходу на улицу.

Припасенный загодя дымовой факел лежал около двери. Джек поджег его, и дом наполнился едким дымом, от которого нестерпимо щипало глаза. Через едва заметные щели дым выходил наружу, беспокоя насекомых. Они зашуршали, переползая в более безопасное место. Джек приоткрыл дверь, и дым потянулся на улицу. Саранча продолжала отступать, и вскоре Джек смог выйти, не пропустив в дом ни одного насекомого.

Он медленно пошел вокруг амбара, окуривая его стены. Насекомые разбегались от дыма, а Джек шаг за шагом двигался вдоль стен и внимательно осматривал землю. Бывали случаи, когда опьяненная запахом спелого фитиса саранча делала подкоп и врывалась в хранилище.

Убедившись, что урожай в сохранности, Джек занялся заготовкой топлива. Он шел по пятисантиметровому слою насекомых, хрустевших под подошвами ботинок, как ореховые чипсы. Время от времени то в одном, то в другом месте с земли поднимались небольшие стайки саранчи и, покружившись в воздухе, возвращались на землю.

На поле еще оставались объединенные стебли фитиса. Здесь пришлось брести уже по колено в текущих во всех направлениях потоках саранчи. Решив, что это самое подходящее место, Джек достал большой пластиковый мешок и начал набивать его шуршащей и царапающейся массой.

Полный мешок весил не менее пятидесяти килограммов. Завязав горловину, Джек стянул ее так, чтобы воздух не попадал внутрь. Без кислорода саранча

быстро погибала и становилась прекрасным топливом для домашней печки.

До холодов оставалось не так много времени. Снег и холод вытесняли саранчу на юг, и она мигрировала через весь материк до самого океана, где и находила свою гибель на его просторах. Прибрежные течения переносили отложенные саранчой яйца к северным берегам, откуда победоносная армия снова начинала свой поход на юг.

Джеку Саймону всегда казалось, что такой круговорот в жизни саранчи – полная бессмыслица. Зачем лететь на юг, если все равно погибнешь в океане?

До холодов оставалось заготовить пять мешков топлива. Джеку всегда хватало именно столько. А потом стаи саранчи уйдут, оставив ковер из погибших собратьев. Снежные бураны начнут утихать, появятся первые листочки. Леса зазеленеют, и снова придет время сеять...

3

Как бы долго ни тянулся сезон саранчи, но и он закончился. К тому же на две недели раньше, чем обычно.

За день до отлета в поведении насекомых стало проявляться все нарастающее беспокойство, которое через сутки вылилось в дружный старт тех, кто имел силы продолжить путешествие на юг. Раньше Джека всегда восхищала и радовала картина взлета этого гигантского легиона. Но теперь окончание сезона саранчи означало возобновление войны с канино.

На следующее утро, которое выдалось необычайно солнечным, Джек вышел из дома, и мир предстал перед ним совершенно другим, без привычного покрывала из копошащихся насекомых.

Ослабленная саранча, погибшая за ночь, уже поменяла свой цвет. Через три дня, Джек знал это, она полностью распадется и будет поглощена почвой. Это было одно из удивительных свойств природы Габона. Мертвые организмы здесь распадались очень быстро, а новая жизнь так же быстро заполняла

освободившееся пространство.

Через два дня Джек снова сходил на поле. Первые ростки травы уже набирали силу и выпускали новые листья.

Позже, когда зеленый травяной ковер покроет полностью землю, эстафету примут деревья и кустарники. До этого момента оставалось не больше недели.

Чтобы не терять времени даром, Джек взял канистру, закинул на плечо «бангоу» и отправился в свою касторовую рощу, которая зеленым пятном выделялась на общей унылой картине обглоданного саранчой леса.

Листва вечнозеленых касторовых деревьев была не по зубам никаким вредителям. Листья опадали только в очень редких случаях.

Высушенная листва, собранная в касторовых рощах, использовалась фермерами как взрывчатое вещество. Правда, для этого ее требовалось перетереть в тонкую пыль. Сам Джек не раз корчевал пни с помощью касторовой пыли.

Вот и роща. Знакомый резкий запах ударил Джеку в нос, и он с удовольствием вдохнул его, как будто это был аромат прекрасных цветов. В условиях Габона этот запах означал для Джека Саймона жизнь. Он обходил деревья и удивлялся, как аккуратно висят на них жестянки, как будто и не было долгого мертвого сезона. Сняв одну из них, Джек удивленно замер: он ожидал увидеть керосин вперемешку с крыльями саранчи, но жестянка зияла пустотой. Взгляд его скользнул по стволу дерева – сборная канавка была аккуратно прочищена скребком. Кто-то украл сбор Джека Саймона и собирался воровать дальше.

Джек поставил канистру на землю, снял с плеча ружье и решительно двинулся к зарослям объединенного саранчой перелесника. Разведя в стороны голые прутья кустов, он вышел на небольшую поляну – место своего последнего боя с дикарями.

Как реванш за тот проигранный дикарями бой посреди поляны стоял черный столб.

Вот и все... Канино застолбили территорию, а значит, Джеку следовало убраться выше, к плоскогорью. Туда, где еще суше почва, где еще больше камней, о которые ломается старый плуг, и где совсем не растут касторовые деревья.

Хотелось кричать и ругаться... Но фермер только тяжело вздохнул и, развернувшись, последний раз прошел по роще.

Он подобрал пустую канистру и направился к своему дому. «Ничего, Саймон, не все так плохо, – успокаивал себя Джек, – в тракторе полбака керосина. Вполне хватит, чтобы добраться до других касторовых деревьев. Разобрать домик и сарай – тоже пара пустяков. По крайней мере, я успел собрать свой урожай, а это уже что-то...»

Джек бросил взгляд вперед и застыл – над тем местом, где находились его постройки, поднимался дым. Отбросив в сторону канистру, Джек помчался в гору так быстро, как только мог.

С горы он увидел свой дом, полыхавший таким ярким пламенем, как будто в него подливали керосин. Горел и стоявший неподалеку трактор. В дыму мелькали дикири, вытаскивающие из вскрытого амбара мешки с фитисом.

Ярость придала Джеку сил, и он, стремительно преодолев последние метры, как ураган обрушился на своих врагов. Первыми повалились двое грабителей, тащившие мешки с фитисом, Джек сбил их стволом тяжелого «бангоу». Тотчас из-за сарая выскочил здоровенный детина, размахивающий огромной, заточенной с обеих сторон рессорой.

Как на учении, Джек отбил удар стволом и достал нападавшего прикладом. Дикарь отлетел в сторону и упал на раскаленные листы железа, уже начавшие отваливаться от амбара. Дикий вой, который он издал, словно сигнал тревоги привлек внимание других канино, одетых в некое подобие штанов.

Они выскочили из-за горящего дома, и Джек выстрелил не целясь. Двое покатались по земле, а он отметил, что осталось четыре патрона. Понимая, что тратить их нужно с толком, Джек выбрал еще одного дикаря и выстрелил. Рослый канино упал на землю и выронил отточенное, как бритва, мачете. Джек хотел подобрать его, но вовремя заметил лучника, который уже натягивал

тетиву. Он отпрянул в сторону, и заточенная стальная пика пробила стену сарая над его головой. «Бангоу» ответил. Лучник упал, выронив огромный лук, согнутый из дюймовой трубы.

Джек спрятался за стеной горящего сарая и стал ждать. Густой дым ел ему глаза, приходилось напрягать зрение, чтобы вовремя заметить появление противника. Джек слышал, как перекликались канино, выискивая его в густом дыму. Он понимал, что нужно бежать, но не видел шансов уйти от целого отряда хорошо вооруженных и крепких дикарей. В сравнении с прошлыми стычками они действовали более организованно, да и арсенал их выглядел достаточно убедительно. Взять хотя бы эти луки...

Раздался взрыв тракторного бака, истошно завопили обожженные дикари. Решив, что лучшего момента не будет, Джек выскочил из-за горящего амбара и, выбрав двух самых опасных канино, сбил их последними пулями.

В ответ стену жестяного сарая прошли три стальные стрелы, но из-за дыма лучники промахнулись. Джек упал на четвереньки и подобрал мачете.

Теперь, раздобыв себе оружие, он мог бежать к лесу, но в этот момент его атаковали зашедшие сзади дикари. Джек почувствовал опасность, но слишком поздно – дубинка обрушилась на его голову. Удар получился скользким, дубинка рассекла кожу, и по лицу полилась кровь. Перекатившись по земле, он вскочил на ноги и выставил перед собой мачете. Дикарь с дубинкой сделал еще один выпад, но мачете оказалось быстрее, и дикарь повалился, обливаясь кровью. Второй канино атаковал прикрученным к палке охотничьим ножом. Этот парень был очень ловок и успел полоснуть Джека по ребрам, прежде чем тот раскрыл ему голову.

Не задерживаясь больше ни секунды, Джек помчался во весь дух под гору. Он видел, как наперерез ему бежали другие канино, но чувствовал, что сумеет от них оторваться. Спустя какое-то время он добрался до леса и, подгоняемый страхом за свою жизнь, помчался, как олень, легко перемахивая через голые кусты и огибая колючие ветки. Казалось, что пропавшее имущество, за которое он так держался и наконец потерял, упало с него тяжкими оковами и освободило для новой, рискованной жизни.

Джек мчался вперед, размахивая мачете как мечом, срубая верхушки отросшего чертополоха. Вот такой, с грозно занесенным над головой мачете, он выскочил на большую поляну. Женщины и дети канино заверещали дикими голосами и бросились врассыпную. Убегая, они бросали бутылки и канистры с керосином, через полминуты их крики затихли где-то далеко в лесу.

Придя в себя, Джек с удивлением оглядел поляну. Она была заставлена какими-то навесами и шалашами. Их было более десятка. Некоторые из них имели стены из старого тряпья, но большинство обходилось только крышей из веток. Это была деревня дикарей, – их военный лагерь.

Джек прошелся вдоль навесов. Повсюду валялись стеклянные бутылки, – пустые и заполненные керосином. Ему стало ясно, кто воровал керосин в его роще. Это были канино. Они собирали керосин со всех мест и сносили его сюда. Дикари готовились к настоящей войне. С кем? Ведь не против же Джека готовился весь этот арсенал?

Под одним из навесов нашелся бочонок с водой, и Джек только тогда понял, как ему хочется пить. Утолив жажду, он поплескал себе в лицо и промыл рану на левом боку. Она была неглубокой, но порядком саднила. К счастью, повсюду росла молодая лигенция – лечебная трава, останавливающая кровь и обладающая дезинфицирующими свойствами. Джек набрал целый пучок и подсунул его под рубашку. Трава начала действовать почти мгновенно, по раненому боку разлилось приятное тепло.

Немного отдохнув, Джек принялся за работу. Он побросал бутылки и канистры с керосином под навесы и поджег жилища дикарей от одинокого костра, дымившегося посредине деревни. Глядя, как огонь набирает силу, Джек думал: смог бы он убить женщин и детей канино, если бы они не убежали в лес? Эта мысль была ему неприятна, и, прогнав ее, он пошел своей дорогой – на восток.

Быть может, там еще держался Хейс Тернер или кто-то еще...

Свежая зелень деревьев отражалась в зеркале лесного озера и радовала глаз. Время от времени слышался всплеск и по водной глади расходились круги от разыгравшихся тритонов, откормившихся за сезон саранчи. Испуганно взлетали утки, но, покружившись над озером, они снова возвращались на воду, чтобы продолжить прерванную кормежку.

Хейс опустил бинокль и поправил на плече старый «АК-формат». Диких коз нигде не было видно, а это означало, что их придется искать. Что ж, это даже лучше. Нет ничего приятнее, чем прогуляться по расцветающему лесу.

Хейс шел по заросшим тропам и вдыхал пряные ароматы, струившиеся со всех сторон. Он размышлял о том, что сегодня на обед у него будет жареная козлятина, а завтра он поставит сетку на тритонов. И, пожалуй, пора побриться – холодные времена уже прошли.

Охотник шел легкой, пружинистой походкой, которая свойственна людям, привыкшим долго ходить по лесу. Ему было пятьдесят четыре года, но он не жаловался на здоровье, а седина только-только намечалась на его висках.

Хейс Тернер получал от прогулки истинное наслаждение, однако это не мешало ему видеть и слышать все, что происходило вокруг. Он чувствовал лес, умел настраиваться на его звучание и понимал, что происходит за десятки километров. Вот пронеслась стайка синиц, а вот, тяжело перелетая с ветки на ветку, проследовал тяжелый желудевник.

Хейс остановился, прислушиваясь. Какой-то пока неясный источник беспокойства быстро приближался с запада.

Сейчас он был еще далеко, но... Хейс снял с плеча автомат и побежал на свой запасной наблюдательный пункт, устроенный на ближайшем холме.

Долгое сидение дома во время сезона саранчи давало о себе знать, на вершину холма Хейс прибежал мокрый от пота. Он сделал несколько дыхательных упражнений и повалился на установленную под навесом лавку.

– Слишком много жирной солонины, Хейс... – определил свое состояние Тернер и неодобрительно покачал головой. Потом он поднял бинокль и навел его на опушку леса. Тот, кого ждал Тернер, должен был появиться с минуты на минуту.

Наконец он выбежал. Это был худой, заросший человек в сильно изорванной одежде. За ним по пятам мчались несколько дикарей.

- На открытом месте они тебя сделают, парень... - пробормотал Хейс, не отрываясь от бинокля.

Словно услышав его слова, беглец развернулся и первым напал на авангард канино.

- Толково, - улыбнулся Хейс. Он внимательно наблюдал, как незнакомец ведет неравный бой с пятью дикарями. Конечно, долго ему не протянуть, но его действия Хейс одобрял. Можно было помочь бедняге, однако патроны для автомата были на вес золота, к тому же Хейс не любил компанию. Охотник должен жить один.

Будто совсем потеряв интерес к происходящему на опушке леса бою, он направил бинокль в другую сторону.

Там, где начинались болота, уже отрос камыш, а это означало, что водяные курочки скоро начнут вить свои гнезда. Их яйца были вкусными, Хейс очень любил их. От воспоминаний о еде в животе заурчало.

Он снова перевел бинокль на опушку леса, ожидая увидеть растерзанный труп беглеца, однако среди убитых его не было. Где же он?

Хейс повел биноклем и обнаружил бродягу в ста метрах от опушки. Тот брел, с трудом переставляя ноги. Правая рука бойца висела плетью вдоль тела, а левой он сжимал окровавленное мачете. До него было не более трехсот метров.

- Молодец, - похвалил его охотник, - пусть себе идет куда хочет...

Неясный звук со стороны леса привлек его внимание. Снова наведя бинокль на опушку, Хейс заметил канино. Их было больше тридцати человек. Вырвавшись из леса, они устремились за раненым бродягой. Хейс видел, как тот повернулся к мчавшимся на него дикарям и, пошире расставив ноги, приготовился подороже продать свою жизнь.

Хейс кивнул. Он был уверен, что парень успеет прихватить с собой еще пару канино.

– Эй, ребята, это же нечестно... – возмутился он. Подбежавшие дикари остановились неподалеку от неподвижно стоящей жертвы и начали растягивать луки. – Но ведь патроны же на вес золота... – простонал Хейс, поднимая автомат. – Надеюсь, остальные разбегутся сами...

Один за другим раздались три выстрела, и лучники упали на землю, выронив свои луки. Однако массового бегства, на которое рассчитывал Хейс, не произошло. Беглец, поняв, что на холме его ждет спасение, побежал к нему что было сил. А вслед за ним, завывая и подпрыгивая, понеслись канино.

– Невероятно, – покачал головой Хейс, – всякий стыд потеряли. Не иначе как нового колдуна выбрали...

Сплюнув под ноги, он снова поднял автомат. В рожке оставалось семнадцать патронов, и Хейс старательно выбирал цели, отдавая предпочтение лучникам и здоровым парням.

Магазин быстро опустел, но сильно поредевший отряд канино продолжал гнать раненого беглеца на вершину холма. Хейс грустно посмотрел на бегущих дикарей и, выдернув из навеса кусок титановой трубы, пошел навстречу канино.

5

Хейс Тернер дрался зло и жестоко. Он был недоволен тем, что за какие-то два-три месяца холодного сезона канино забыли его уроки. Он бил налево и направо, словно мельница перемалывающая тела врагов. А уставший беглец, видя, как управляется его заступник, отошел в сторону и присел на траву.

– Омара! – неожиданно завопил один из дикарей, указывая на Хейса.

– Омара! – повторили остальные дикари и, побросав оружие, побежали прочь.

- То-то же, сукины дети, признали, - криво улыбнулся Хейс, даже не пытаясь преследовать спасающихся бегством канино.

- Я всегда знал, что ты именно такой, Хейс Тернер, - хрипло произнес спасенный. - Спасибо тебе, я твой должник...

- Оставь благодарности при себе, парень. Я вовсе не собирался тебя спасать. - Хейс вытер трубу о длинные волосы одного из поверженных дикарей и посмотрел на солнце. - Ладно, если хочешь чего-нибудь пожрать, пошли со мной... - Больше не обращая на спасенного внимания, Хейс пошел под навес. Там он вернул на место трубу и, подобрав автомат, двинулся в сторону дома.

За ним, еле поспевая, шел его незванный гость.

- Откуда тебе известно мое имя, парень? - не останавливаясь, бросил через плечо Хейс.

- Как же мне не знать, я на Габоне уже двадцать лет, - придерживая раненую руку и морщась от боли, ответил гость.

- Двадцать лет, говоришь? - Хейс бросил на гостя короткий взгляд. - Да, я тебя тоже знаю. Ты Джон Саймон, так?

- Джек, - поправил его гость.

- Да, Джек, - согласно кивнул Хейс. - Ты потерпи, Джек, но нам нужно дойти очень быстро. Я опасаюсь, что эти твари ошиваются где-то поблизости... Хотелось бы добраться до дому раньше их.

- Нет проблем, пойдем быстрее, - согласился Джек.

Когда впереди показался дом, окруженный высоким частоколом, Хейс махнул в его сторону рукой и гордо произнес:

- Мой неприступный замок. Три года на одном месте...

- Три года? - удивился Джек. - А как же канино?

- Тактика упреждающего удара, парень.

- Ты нападаешь первым?

- Если напасть первым, это ничего не даст... Заходи давай. - Хейс отворил перед Джеком тяжелую калитку.

- О, да у тебя здесь уютно, - оценил Джек, осматривая внутренний двор.

- Садись вот сюда, на лавку. Сначала мы займемся твоей раной. Эй, Бэстри! - позвал Хейс.

Из стоящего на сваях дома вышла женщина неопределенного возраста с испуганным лицом.

- Неси горячей воды и мои лечебные порошки.

- Это твоя жена? - удивился Джек.

- Нет, что ты. Она просто помогает мне по хозяйству.

- Она похожа...

- Да, она канино.

Вскоре женщина вышла из дома с большим тазом горячей воды. Она поставила его перед Хейсом и протянула кусок мыла.

- Помоешь его и обработаешь раны. - Хейс указал на своего гостя. - Чего стоишь, Джек? Снимай лохмотья. Я принесу тебе что-нибудь из своей одежды.

Усталость и боль во всем теле окончательно подавили стеснение Джека, и, сняв с себя изорванную одежду, он встал ногами в горячую воду.

Безразличные руки Бэстри проворно намыливали его тело, осторожно обходя кровоточащие раны. Джек смотрел на свои худые ноги, и ему не верилось, что он отощал до такой степени.

Бэстри смыла мыло, множество ссадин на теле начали невыносимо гореть.

– Ты что, Джек, лечился в лесу голодом? – Хейс стоял со старым комбинезоном в руках и качал головой, поражаясь худобе гостя.

– Да нет, кое-что перепадало, только вот бегать приходилось много.

– Понимаю... Вот тебе одежда. Даже пара белья нашлась. И бритва. Нам с тобой пора побриться. А пока давай займемся твоей рукой. Кость цела?

– Да вроде цела, – ответил Джек, глядя на посиневшее предплечье.

– Ничего, жить будешь. Остальное – чепуха. Потерпи...

Хейс смазал ранки какой-то пахучей жидкостью, и они едва не задымились.

– Что, печет? – засмеялся Хейс. – Ничего, это не смертельно. Сейчас сделаю компресс на руку, и завтра будешь как новенький.

Через пять минут компресс был готов, и Хейс разрешил Джеку одеваться. Пока Джек одевался, хозяин брился, а Бэстри готовила еду.

Вторым брился Джек. Когда он закончил, его уже ожидал накрытый стол.

– Да-а, мы с тобой просто рекруты, – засмеялся Хейс, погладив свой чистый подбородок. – Садись подкрепись. И вообще, с днем рождения.

– Это точно, – согласился Джек, – родился заново. Особенно когда меня помыли... – Саймон благодарно кивнул женщине.

– Ей все равно, что ты говоришь. Она понимает только мои команды. Иди в дом, Бэстри...

– Почему она не убегает в лес? – спросил Джек, когда женщина ушла в дом. – Ведь ты подолгу отсутствуешь?

– Она боится, что я ее найду и убью. Она думает, что я – Омари, главный злой дух.

– Кажется, это слово кричали и дикари, прежде чем убежать, – вспомнил Джек.

– Да, они кричали именно это... Ты чего не ешь? Вот копченый тритон, смотри, какой жирный. А это солонина из кабана. Все со специями, как положено...

Хейс положил в рот пучок маринованной травки и продолжал:

– Я, Джек, потратил много сил и времени, чтобы заставить этих канино меня бояться. И вот уже три года, как сижу на одном месте...

– Так, значит, ты нападаешь первым?

– Не только нападаю первым, Джек, но и веду войну на территории противника. По-другому воевать с ними нельзя. Это, – Хейс подцепил вилкой ломтик розоватой солонины и положил его в рот, – это бесперспективно... Возьми масла, полей фитис, пока он горячий... Я навожу на них животный ужас, Джек, потому что страха они не испытывают. Но ужас навести мало, его нужно поддерживать. Поэтому я регулярно совершаю рейды в лес, жгу деревни и убиваю самих канино.

– И женщин с детьми тоже?

Тернер перестал жевать и посмотрел на Саймона:

– Мы ведь с тобой не маленькие мальчики, Джек...

– Нет, ты не понял, Хейс. Это всего лишь вопрос.

– Всего лишь вопрос... Да, Джек, я убиваю этих волчат и этих плодовитых сук, иначе мне не выжить. Ты знаешь, сколько детенышей за один помёт приносит самка канино?

Джек отрицательно покачал головой.

– Шесть, Джек! Шесть волчат! Бывает, что и четыре, но это редко... А спроси у меня, Джек, сколько вынашивает она их в своей утробе? Я скажу тебе – четыре месяца! А еще через восемь лет молодые канино уже в состоянии растянуть стальной лук. Это тебе ответ на твой вопрос о «женщинах и детях»...

– Да нет, Хейс, я все понимаю... Ты знаешь, я тоже обнаружил интересную вещь, пока путешествовал по лесам. Не знаю, может, тебе это известно. Трупы канино не гниют, как человеческие. Они быстро распадаются. Почти так же быстро, как саранча...

– По правде, я и раньше замечал, что трупы быстро исчезают, но приписывал это диким зверям.

– А ведь первые канино были такими же людьми, как и мы. Я помню, когда мы нашли Касси Урмаса...

– Это тот парень, у которого дикари вырезали семью?

– Да. Так вот, его труп выглядел так же, как и тела тех, кого он убил. Эти канино, они переродились позднее. Как будто подстроились под природу Габона.

– А это означает, Джек, что скоро их будет не меньше, чем саранчи, – задумчиво произнес Хейс. – Мы с тобой, конечно, крепкие парни, но придет время, когда мы примем свой последний бой... Эй, Бэстри, принеси пива!

– А что за странное у нее имя – Бэстри? – спросил Джек.

– Это я придумал, – улыбнулся Хейс. – Десантно-штурмовой корабль, на котором я служил, звался «БС-3». В честь него я и назвал эту подружку – Бэстри.

В это время женщина вышла из дома, неся в руках жестяной бочонок. Она поставила его на стол и ушла.

– Я вижу, она совсем немолода, – заметил Джек.

– Да, по нашим меркам ей лет сорок пять, – согласился Тернер. – А ты что, интересуешься сексом?

– Нет, сейчас мне не до этого. Просто я подумал, почему ты не взял молодую дикарку, на которой, что называется, глаз отдыхает?

– Глаз, может, на ней и будет отдыхать, но ты над ней будешь трудиться до седьмого пота. Была у меня молодая, знаю. Попробуй пивка. Сделано по собственной рецептуре.

– Очень вкусно, – кивнул Джек, вытирая с губ пену. – И пиво, и копченый тритон, и солонина – это все твоего приготовления?

– Да. Это мое хобби. Чтобы не свихнуться при той работе, какая у меня была, необходимо было иметь какое-нибудь увлечение. Я выбрал самое вкусное.

– А какая у тебя была работа, если не секрет? – поинтересовался Джек.

– А ты как думаешь?

– Я всегда считал, что ты работал на государство...

Прежде чем ответить, Хейс глубоко вздохнул.

– На государство, будь оно неладно... Только и радости, что пенсия хорошая. А где она теперь, моя большая пенсия?

– Ты хоть пенсию заработал, а я ничего...

– Наемничал? – спросил Хейс.

– Да. Целых пять лет...

– Где?

- Фиалковые моря...

- Правда? - оживился Хейс. - Мне тоже пришлось там повоевать.

- Но ведь ты работал на государство?!

- Ты наивный человек, Джек, - улыбнулся Хейс. - Там, где идет война, все вокруг нишпиговано федеральными агентами.

- Ты что, был шпионом?

- Нет. Какой из меня шпион?! Я числился в штате отряда «Корсар». Ушел на пенсию сержантом. До самого последнего момента командовал отделением таких ребят, которые могли головами стену прошибить, только приказы. А на Фиалковых морях я был как бы в командировке. Выполнял задание НСБ - «туда посмотри, то разузнай». Три месяца провоевал в штурмовой роте «ночных псов». Жестокие ребята, но с принципами. Главное веселье для них - сшибиться с «коричневыми крысами», которые воевали на стороне противника. Бывал я в паре таких боев... - Хейс отхлебнул пива и осторожно поставил стакан на стол: - Врагу не пожелаешь так веселиться. Как сошлись врукопашную, автоматы долой - и на ножах... И главное, бабы дерутся наравне с мужиками... Не бой, а беспредел какой-то. Я так и не привык, а им нравилось...

Несколько минут оба молчали. Потом Хейс спросил:

- Ну а ты-то чего поделывал на Фиалковых морях?

- Сто четвертый пехотный корпус. Пять лет с двумя короткими отпусками. Уволился рядовым...

- Иди ты! Пять лет войны - и рядовой? - удивился Хейс.

- Тут своя стратегия была, - улыбнулся Джек.

- Какая же?

– За пять лет войны нас в роте только двое осталось старичков. И оба рядовые... Я заметил одну закономерность: как только рядовой получал нашивки, через денек-другой его убивали. Сначала, конечно, я не был уверен, что это так, и однажды польстился на капральский чин. И что ты думаешь? В первом же бою пять пуль из «глинбулла» раскололи мне шлем и посрывали наплечники. Э, думаю, это мне знак дан. Отлежался денек после контузии и пошел к сержанту. Забирайте, говорю, нашивки. Хочу быть рядовым. Он, конечно, удивился. О таком никто не просит, да и капральское жалованье больше на пятьдесят кредитов. Но я подумал, что лучше живой рядовой, чем мертвый капрал, и, придерживаясь этого правила, без единой царапины довоевал до конца.

– Здорово! Я об этом не знал. Пока дослужился до сержанта, мою шкуру дырявили четыре раза... Ну а на Габоне ты что делал?

– Да что и все – фермерствовал. Получалось недурно. Иногда за полтора сезона удавалось загрузить мерный бункер.

– Только фитисом занимался?

– Да, за него хорошо платили. – Джек вздохнул. – Теперь бункер ржавеет и уже никогда не покинет эту планету.

– Постой, постой, ты хочешь сказать, что эти железки, я имею в виду бункеры, еще могут выйти в космос? – Хейс так заинтересовался, что даже привстал со скамейки.

– А почему нет, конечно, могут. Если, конечно, заполнить их фитисом, но это невозможно, ты же понимаешь...

– Почему обязательно фитисом?

– А как же иначе? – недоумевал Джек. Он все еще думал как фермер с хорошей репутацией, который всегда отправлял бункеры, загруженные только отборным фитисом.

– Но ведь можно заполнить бункер камнями или, скажем, бревнами. Сколько поднимает такой бункер?

- Пятьдесят тонн.
- А насколько он заполнен сейчас?
- Примерно на три четверти.
- Слушай, так мы же можем запросто драпануть с Габона и оставить всех этих канино с носом! - подвел итог Хейс.
- Но ведь нам нужно целую неделю чем-то дышать. Плоды фитиса выделяют углекислый газ - мы погибнем, - возразил Джек Саймон.
- У меня есть регенерационные шашки, целых два ящика. Они легко монтируются в обычном противогазе - это мне еще со службы известно... Невероятно, Джек, но мы можем покинуть Габон... - с улыбкой проговорил Хейс.
- Однако до стартового шлюза еще нужно добраться.
- Не беспокойся, безопасность путешествия я беру на себя. У меня есть еще один «АК-формат» и три сотни патронов. К тому же у тебя отличное мачете, и я видел, как ты с ним управляешься. Придем к стартовому шлюзу, натаскаем камней и отправимся... Куда отправляются бункеры?
- На элеваторы «Виллидж-Плейс».
- Это на орбите Сакефа? Чудесно. Давай сегодня отдохнем, а с завтрашнего дня начнем готовиться к походу. Вопросы, рядовой? - улыбнулся Хейс.
- Вопросов нет, сэр, - бодро ответил Джек.

Казавшиеся бесконечными болота Лингурии наконец остались позади, собрав обильную жатву с войска графа Гарди.

Первыми, как и следовало, на твердую землю выходили дунгары, гвардия войска Гарди. Полторы тысячи солдат, которым он доверял, как самому себе. За ними тянулся обессиленный сич – колонна из безропотных воинов-рабов, слепо повинующихся любому приказу.

После перехода через болота от пятидесяти тысяч сича осталось только тридцать тысяч еле переставляющих ноги доходяг, от которых трудно было ожидать воинских подвигов. Им срочно требовалась «сильная пища», но где ее взять, если не добыть в битве? А в таком состоянии сич не мог пережить и скоротечного боя...

Погруженный в тяжелые думы, граф Гарди не заметил, как к нему подошли оруженосец и двое слуг.

– Милорд, ваш шатер готов...

– Да-да, Синдо, я уже иду, – сказал, очнувшись от своих раздумий, граф и пошел к золотистому шатру, над которым развевался флаг Гарди. Болота кончились, и он мог позволить себе хотя бы сменить костюм.

Три долгие недели граф шагал вместе со своим войском по пояс в непролазной грязи. Хавир, боевой конь графа, шел позади колонны вместе с ломовыми тяжеловозами. Леонар Гарди не мог себе позволить ехать в седле, когда его воины брели по пояс в болотной жиже.

Войско прошло через Лингурию, сумев избежать сражения с объединенным войском барнейских баронов, неблагодарных вассалов, взбунтовавшихся против рода Гарди.

Барнейцы собрали более сотни тысяч отборного сича, а малочисленность терума – элитных войск – компенсировали двадцатью боевыми машинами.

Боевые машины были и у графа Гарди, но кохбалд, служивший для них топливом, давно уже иссяк во владениях графа. Не было его и у барнейцев, однако кто-то доставил его смутьянам, чтобы их руками расчистить дорогу к Воротам в мир Омри.

Род Гарди уже много веков был хранителем Ворот, но это никого не интересовало до тех пор, пока кохбальд добывался на всем пространстве от Облака Койт до планет Зеленых Озер. Однако пришел день, когда запасы иссякли, и боевые машины, грозные космические дредноуты и прочие атрибуты силы стали совершенно бесполезными. Только империя Финх-Недд, или, как ее называли, империя трехпалых, все еще поднимала свой флот, пользуясь запасами награбленного ранее кохбальда.

Вот тогда все вдруг вспомнили, что существуют Ворота в мир Омри, богатый кохбальдом и населенный драчливыми, но довольно глупыми существами – людьми.

На пути в сказочно богатую страну стояли графы Гарди, могущественный и старинный род, уважаемый даже в империи трехпалых. Сокрушить силу Гарди в одиночку было непросто, и тогда группа мелкопоместных баронов и графов, владеющих землями в Барнее, решили объединиться и уничтожить своих сюзеренов. Участники Барнейского союза надеялись поделить земли Гарди и, захватив Ворота, получить доступ к кохбальду.

Кровавая война разгорелась на трех материках планеты Усинор. Барнейцы были не слишком сильны, но они пользовались поддержкой страны Облака Койт, давно и тайно плетущей интриги вокруг кохбальда мира Омри. Сила графов Гарди казалась непобедимой, но не могла равняться с могуществом Облака Койт, войны с которым избегали даже трехпалые.

Последние запасы драгоценного топлива, хранившиеся у графов Гарди на крайний случай, были истрачены в процессе ведения войны. Как только это произошло, началось ничем не сдерживаемое наступление Барнейского союза, и войска Гарди, неся потери, стали отступать. И теперь последним оплотом Гарди являлся замок Линструм, стоявший у самых Ворот в мир Омри.

Владение Линструм находилось в самой труднодоступной и болотистой части материка – в Лингурии, и сиятельные графы Гарди уже триста лет не ступали в пределы старого родового замка.

Последние девяносто стадий до замка Леонар Гарди проехал на своем коне. Когда впереди показались позеленевшие от времени башни Линструма, маршировавшие во главе колонны дунгары застучали мечами по кирасам и

радостно закричали, предвкушая скорый отдых.

Даже обессиленный сич, казалось, приободрился и прибавил шагу. Красный камень, которым некогда мостили дорогу, потрескался, и в его щелях бурно разрослась трава. Однако Гарди заметил, что за дорогой кто-то ухаживает, продолжая сохранять верность господину, которого никогда не видел.

По всей видимости, с башен замка увидели едущего графа, потому что на донжоне появился флаг Гарди и начал опускаться мост, служивший единственной переправой через широкий ров.

Копыта Хавира застучали по окованному железом мосту, и Леонар Гарди въехал на просторный двор, вымощенный крупным булыжником.

Его встречала немногочисленная челядь. Все они были наряжены в лучшие костюмы, пролежавшие в сундуках много лет.

При появлении господина слуги упали на колени, но граф сделал им знак подняться. Он спешил и, передав Хавира оруженосцу, подошел ближе к смущенным хранителям замка.

К его удивлению, все слуги были самый настоящий терум, а учитывая, что половина из них были мужчины, граф получал еще десять человек в ряды своих драгоценных дунгар.

– Кто у вас здесь за старшего? – спросил граф.

Вперед выступил мужчина лет сорока в древнем костюме придворного охотника.

– Я, ваша светлость. Меня зовут Надир.

– Не прячь свои глаза, Надир. Смотреть на господина не считается преступлением уже лет двести. Представь-ка мне лучше свой отряд. Кто у вас повар?

– Лумис, – Надир показал на высокого худого человека, – ему на кухне могут помогать Гвинна и Лукса.

Названные женщины поклонились графу.

– А где же остальные слуги? Где ваш сич, наконец?

– Вы правы, господин, нас было больше двухсот человек и еще целая деревня сича, но шесть лет назад здесь высаживались пираты Иннамара, этого трехпалого убийцы. Они перебили почти весь сич, а оставшихся в живых увезли с собой. Мы держали осаду три недели, все, кого вы видите, последние защитники Линструма.

– Что ж, я должен радоваться, что остались хотя бы вы, – сказал граф. – Биррис, – обратился он к старшему капитану дунгаров, – пусть гвардия заходит в замок, а сич расположите лагерем под стенами Линструма.

– Я понял, господин, – поклонился Биррис и бегом отправился выполнять приказание.

Вскоре первые сотни дунгар начали заходить во двор замка и под руководством капитанов располагаться прямо на мостовой. Солдаты были неприхотливы и радовались даже такой возможности отдыха.

– Как здесь с дичью, Надир? – спросил граф. – Войску нужно много мяса. Сидя на растительной пище, мой сич не сможет воевать.

– С этим все в порядке, мой господин, в лесах развелось много диких свиней. А рыбы в реке – просто пропасть. Людей здесь нет, вот живность и расплодилась. Если ваша светлость выделит мне помощников, я раздобуду вам много мяса.

– Кансай, – позвал граф одного из капитанов. Тот сейчас же подбежал к господину. – Кансай, выдели из своей сотни столько солдат, сколько попросит этот человек. Они пойдут в лес загонять свиней. А для ловли рыбы, я думаю, подойдет и сич. Как думаешь, Надир, сич сумеет ловить рыбу?

– Да, господин, сумеет, это нетрудно, – кивнул Надир.

– Тогда действуйте. А я пойду посмотрю, как устраиваются войска возле замка. Биррис!

– Я здесь, господин.

– Пойдем со мной за ворота...

– А как же Хавир, ваша светлость? – спросил оруженосец, удерживая коня.

– Уведи его в конюшню. Сегодня он мне больше не нужен, – распорядился граф Леонар и направился к воротам. За ним последовал Биррис. Как только граф ушел, капитаны вернулись к своим дунгарам.

Первым, что бросилось в глаза графу, когда он вышел из замка, был лежащий на земле сич. Воины обессилели от долгого марша и теперь валились с ног как подкошенные.

Тем не менее обустройство лагеря шло своим чередом. Повсюду метались капитаны, подгоняя отупевших от усталости солдат, пытаясь ускорить работу.

Справа в сторону леса удалялись около полусотни длинных повозок, которые тянули безотказные тяжеловозы. Граф Леонар не переставал удивляться выносливости и неприхотливости этих животных. Все три недели они как заведенные тащили по грязи тяжелые телеги, время от времени подхватывая пучки вонючих водорослей. И теперь, едва войско прибыло на место, эти трудяги снова отправились в путь – обоз двигался в лес, куда его вместе с сотней дунгар повел Надир.

До вечера необходимо было добыть мяса. Иначе Леонар может потерять много сича. Если не накормить его мясом, то те, кто лежал сейчас на земле, к утру могли обратиться в золу.

Сопровождаемый Биррисом и двумя капитанами, командующими сичем, граф дошел до самого дальнего рубежа лагеря, где возводилась высокая насыпь. Взобравшись на законченный участок, Леонар обозрел открывающиеся просторы Лингурии, представляя, как где-то уже марширует сич Барнейского союза и тяжелые кафиры срывают гусеницами дерн.

Всего несколько дней было у графа Гарди, чтобы привести в порядок войско и отстроить укрепления, а потом долгая осада и... Бегство? Но бежать уже некуда.

Два дня пути через лес, и снова начнется бескрайний океан.

Граф обманул барнейцев, ускользнув через болота, но через океан уйти невозможно. Оставались еще Ворота. И ключ, который Леонар носил на шелковом шнурке.

В роду Гарди этот ключ передавался по старшинству. Леонар остался последним в роду и получил ключ из рук своего умирающего дяди, графа Хорна Гарди.

В том страшном бою возле городка Гета Леонар потерял двух братьев и сестру, сражавшуюся в рядах дунгар как настоящий мужчина. Войско Гарди отступало, сич беспорядочно бежал в лес, и только дунгары, построившись в каре, организованно отходили вместе с последним графом...

- Капитан? - позвал Леонар одного из капитанов сича.

- Капитан Лонгай, мой господин, - представился тот.

- Лонгай, видите тот перешеек между болотами, который ведет прямо к лагерю?

- Да, мой господин.

- Какой он ширины, как вы думаете?

- Я знаю точно, мой господин, - тысячу двести локтей.

- Завтра его нужно пересечь канавой вон от того болота. Пусть барнейцы идут в обход, а мы будем обстреливать их с фланга. Не нужно облегчать им жизнь.

- Мы облегчим им смерть, мой господин. Завтра мы перекопаем перешеек.

Прошло еще несколько часов, и в уже спускавшихся сумерках показалсядвигающийся из леса обоз.

Мохнатые тяжеловозы с трудом тащили телеги, нагруженные до самого верха свиными тушами. Обоз двигался мимо повеселевшего графа Леонара, и тот, улыбаясь, повторял:

- Спасибо Надиру... Он спас нам войско...

Уже при свете костров началась разделка свиных туш, и воины-сич поедали еще теплые сырые потроха.

В огромных котлах готовили густой бульон. Он был нужен для отпаивания обессиленного сича, который умирал, лежа на земле.

Убедившись, что все в порядке, успокоенный граф в сопровождении старшего капитана Бирриса вернулся в замок. Во дворе вповалку спали верные дунгары, на всех крепостных стенах бдительно несли службу часовые. С фонарем в руках графа встретили Надир и повар Лумис.

- Ваша светлость, Лумис, - Надир указал кивком на повара, - приготовил вам хороший ужин из свежей дичи и рыбы. Позвольте, я провожу вас в покои, где мы накроем для вас стол...

- Конечно, Надир, с удовольствием воспользуюсь возможностью нормально поужинать. Показывай дорогу.

В бесконечных коридорах и на лестницах царил непроглядный мрак, расставленные вдоль лестниц карбидные фонари едва его рассеивали. Пахло старым камнем. Тени от проходящих людей плясали на стенах, и казалось, что из-за очередного поворота может показаться призрак.

Наконец Надир привел графа в господские покои, которые начинались с небольшого зала, ярко освещенного карбидными лампами. В углу, наполняя комнату теплом и красноватым светом, потрескивал камин. На столе стояли приготовленные приборы, а под белоснежными салфетками томилась серебряные судки с горячей едой.

Вскоре граф Леонар и капитан Биррис уже сидели за столом. Надир и повар суетились вокруг, то подливая вина, то подкладывая на тарелки лучшие куски.

Наконец граф отодвинулся от стола и сказал:

- Даже не могу припомнить, когда я так вкусно ел. Благодарю тебя, Надир, и тебя... э...

- Лумис, ваша светлость, - подсказал повар.

- Да, и тебя, Лумис... Теперь, пожалуй, пора отходить ко сну.

- Пойду и я, - поднялся Биррис, - проверю посты, а потом тоже на боковую. Если вы не возражаете, ваша светлость, под утро я отправлю отряд наблюдателей.

- Да, капитан, и как можно дальше...

Когда Биррис ушел, граф поднялся из-за стола и, тяжело вздохнув, сказал:

- Покажи мне спальню, Надир, и тоже можешь отправляться отдыхать.

- Да, мой господин, но...

- Что такое?

- У меня есть для вас одно сообщение... Я думаю, это важно...

Граф посмотрел на повара. Перехватив взгляд господина, Надир пояснил:

- Лумис тоже знает, ваша светлость. Мы здесь все знаем.

- Хорошо, говори.

- Это касается Ворот, мой господин...

- Ворот? Ворот в мир Омри?

– Да, мой господин. Дело в том, что ваша светлость уже не является их хозяином...

– Как это может быть, ведь единственный ключ у меня? – С этими словами граф Леонар расстегнул мундир и снял с шеи заветный шнурок: – Вот он...

– Речь идет о другом, ваша светлость. Кто-то научился проходить через Ворота, не пользуясь ключом.

– Разве такое возможно?

– Мой дед Азис Надир говорил, что такое возможно, если знаешь сильный код-заклинание.

Леонар замолчал, обдумывая услышанное. Кто-то проник в мир Омри без ведома хранителей Ворот. Кому по силам преодолеть печать времени? Барнейцы? Нет, они слишком глупы и жадны. Империя трехпалых? Возможно, но они больше полагаются на сильный флот и полководческий талант своих магертов... Принц Циркус? Наверяд ли. Он слишком занят укреплением своих границ и все последние годы провел в долгой войне с империей трехпалых... Магриб – слишком далеко... Облако Койт – вот та сила, которая могла проникнуть сквозь все запреты. Койтары спровоцировали много войн, но ни в одной из них не приняли участия. Они не любили открытого столкновения и всегда искали, кто бы сделал за них всю грязную работу.

– Облако Койт... – вслух произнес граф Леонар, стоя у камина и глядя на языки пламени.

– Больше никому, ваша светлость, – подтверждая выводы графа, произнес Надир.

– Откуда такая уверенность? – спросил, поворачиваясь к нему, Леонар.

– Иннамар Трехпалый увел через Ворота оставшийся сич. С ним были койтары, и они помогали пиратам при осаде Линструма.

– Им не нужны были свидетели, поэтому они штурмовали замок в надежде перебить всех... – предположил граф. – Скажу вам без обмана, верные мои слуги, что Линструм ожидает такая осада, какой вы еще не видели. Возможно, все мы погибнем от руки врагов или...

– Или? – подался вперед Надир.

– Или снова оставим барнейцев с носом, уйдя через Ворота...

Лумис и Надир переглянулись.

– Но, ваша светлость, сможем ли мы выжить в мире Омри?

– Сумеет ли мы выжить в чуждом для нас мире, я не знаю, но точно знаю одно – в нашем собственном мире нас ожидает верная смерть.

Лумис и Надир подавленно молчали.

– Ну-ну, не унывайте, возможно, нам посчастливится умереть в бою и мы не испытаем унижений изгнания, – приободрил их граф Леонар.

7

Посланные еще до рассвета наблюдатели к полудню дали о себе знать. Двое дунгар, едва живые от долгого бега, добрались до замка и, переведя дух, начали рассказывать о том, что видели. Граф Леонар разрешил им сидеть в своем присутствии, поскольку гонцы едва держались на ногах.

По их словам выходило, что войско одного из барнейских графов – Хендрика Одноглазого – движется по направлению к Линструму.

Хендрик вел двенадцать тысяч сича, четыре тысячи терума и три ужасных кафира. Войско выглядело достаточно свежим, но имело короткий обоз – граф Хендрик рассчитывал на быструю победу.

– Что скажете, капитаны? – обратился граф к стоявшим вокруг офицерам после того, как гонцы рассказали все, что знали.

Первым выступил вперед капитан Кансай.

– Позвольте мне, мой господин? – Граф кивнул, и капитан продолжил: – Хендрик Одноглазый надеется, что мы сильно ослаблены переходом через болота, поэтому спешит налегке. Может быть, стоит встретить его в узком месте и отдать десять тысяч сича, но сжечь его обоз? Без обоза осады у Хендрика не получится...

– Какие еще будут предложения? – спросил граф. И, увидев поднятую руку Бирриса, кивнул, разрешая говорить.

– Мой господин, после того, как по вашему приказанию воины перекопали перешеек, у противника остается один путь – обходной, вокруг ближайшего болота. В замке имеется пятьдесят старых паровых фальконетов. Если мы поставим их возле лагеря сича, только половина войска Хендрика доберется до стен Линструма.

– Это так, Биррис, но ты забыл о кафирах, они сметут фальконеты с первого залпа, – возразил граф.

– Мы, ваша светлость, установим фальконеты, когда Хендрик уже пойдет в обход. Первыми, как известно, пускают боевые машины. На ходу стрелять они не могут, а если остановятся, то блокируют движение сича и терума, подставляя их под огонь. Поэтому, я полагаю, стрелять они не будут...

– Если бы все произошло именно так, как нам того хочется... – задумчиво проговорил граф. – Полагаю, что и в первом, и во втором предложении имеются ценные зерна, но этого мало. Не забывайте, что Хендрик Одноглазый четыре года воевал в армии империи трехпалых, а это что-то значит. Империя ведет непрерывные войны уже не одно столетие, и в военном искусстве им нет равных. Я предполагаю, капитаны, что Хендрик установит боевые машины прямо перед позициями нашего сича – по линии вырытого нами канала. По крайней мере, так бы поступил я сам. Пока пехота будет обходить болота, кафиры совершенно беспрепятственно могут обстреливать лагерь сича или, если им захочется, сам замок. Возможно, одну машину он все-таки пустит впереди пехоты, но две

другие определенно займут место возле рва. Для Хендрика это наилучшая и, я бы сказал, выигрышная позиция. Правда, есть одно обстоятельство. Ему, конечно, и в голову не приходит, что из девяти мортир три мы сумели спасти вместе с достаточным количеством бомб. Вот эти мортиры и будут нашим фактором неожиданности. Капитаны Лонгай и Буррот, вы должны обеспечить сооружение капониров для установки трех мортир. Я думаю, их нужно поставить в тридцати локтях позади основной насыпи. Что скажете, канонир Шорьер?

- Да, ваша светлость, полностью согласен.

- Одна проблема, мой господин, - подал голос капитан сича Буррот. - Под землей здесь близко вода. Капониры получатся едва по пояс.

- По пояс, значит, по пояс, - согласился граф.

Дав капитанам последние указания, граф Леонар удалился в сопровождении Бирриса и Надира.

В лагере и вокруг него кипела работа. Внутри отгороженной территории, за насыпными брустверами готовились три квадратные ямы для установки мортир. Пока готовились капониры, тяжелые орудия перекатывали с повозок на собранные лафеты и закрепляли. Из замка возили жестяные сосуды с чистой, пригодной для стрельбы водой. На кострах сушили калильный уголь, а на расстеленные чистые циновки укладывали чугунные конусы карбидных бомб.

Всю тяжелую работу по подготовке лагеря к бою выполняли воины-сич, а гвардия войска, дунгары, занималась только собой. Они тщательно начищали свои кирасы и смазывали их специальным маслом, усиливающим рикошет. Они проверяли крепление щитов, которые должны были соскальзывать на левую руку от одного движения. Свои мечи дунгары шлифовали до зеркального блеска и постоянно тренировались молниеносно выхватывать их и так же быстро убирать в ножны. Не меньше внимания они уделяли укороченным грейганам, которыми, впрочем, пользовались не так часто: стрелять - это дело сича, а сила дунгар была в рукопашной схватке.

Часть сича под предводительством канонира Шорьера перевозила из замка старые фальконеты. Их устанавливали в лагере и прямо на месте чистили - за много лет хранения наносимая слой за слоем смазка превратилась в

окаменевшую смолу. Бомб для фальконетов было мало, поэтому в кузнице замка готовили чугунную дробь.

Время от времени, когда приходил обоз с рыбой или свининой, работы прерывались. Воины-сич подкреплялись сырым мясом и с новыми силами брались за работу.

Когда начали спускаться сумерки, все плановые работы были полностью завершены. Замолкли голоса, перестали стучать заступы и скрипеть колеса. На землю спустилась темнота, и в полной тишине стало слышно далекое пощелкивание гусениц тяжелых кафиров.

Стоя на выложенной бревнами площадке, устроенной на насыпи, граф Леонар и старший капитан Биррис прислушивались к доносившимся издалика звукам.

– Ну вот, Биррис, им осталось идти около четырех часов, а потом, кто знает, может, Хендрик рискнет начать бой ночью?

– С его стороны это было бы полным безумием, ваша светлость, – заметил капитан.

– Это так, но если бы у него были карты местности, эта затея не показалась бы столь безумной...

8

Едва только первые лучи солнца коснулись земли, словно побудочный сигнал грохнул выстрел одного из кафиров. Снаряд пролетел высоко над насыпной стеной лагеря и разорвался в самом его центре, разметав несколько палаток. Но поскольку сич был частью выведен из лагеря в замок, а частью размещен возле насыпных укреплений, жертв в лагере не оказалось.

Это был пробный выстрел. Войска Хендрика еще не были построены, и он рассчитывал, что ответный огонь позволит ему больше узнать о силе войска Гарди.

Однако, следуя приказу, воины-сич не отвечали и только наблюдали за передвижением противника через смотровые щели. Граф тоже находился в лагере и в окружении нескольких капитанов наблюдал за передвижением войск Одноглазого.

Хендрик уже увидел свежевырытую канаву, заполненную болотной жижей, и понял, что его вынуждают идти в обход большого болота и вытягивать войско, подставляя его под огонь с фланга.

Граф Гарди и его капитаны наблюдали, как сич Хендрика проверяет глубину выкопанного рва. Из-за обваливающегося грунта глубина оказалась меньше человеческого роста. Но преодолеть ров с ходу пехота не могла.

Однако Хендрик был достаточно хитер. Три сотни сича погрузились в торфяную грязь и начали выстраиваться поперек рва. Сообразив, что задумал враг, граф скомандовал капитану Бурроту:

– Стрелять третьим номерам с расстояния в двести локтей!

Приказ тотчас передали по рядам стрелков. Воины-сич защелкали затворами длинноствольных грейганов и замерли возле своих бойниц.

Сич Хендрика продолжал стоять по горло в грязи, а под прикрытием трех кафиров уже готовились штурмовые колонны. Наконец Хендрик отдал приказ, и, вырвавшись из-за кафиров, солдаты-сич понеслись к канаве. Стоящие в грязи воины подняли над головой щиты и образовали четыре широких моста.

Не сбавляя скорости, атакующие пробежали по живым мостам и устремлялись к насыпи. Они подбадривали себя криками и размахивали короткими мечами. Их было не более двух тысяч, и Леонар понял, что это только разведка.

Дружный залп из трех тысяч стволов паровых грейганов повалил не менее пятисот атакующих, а позиции обороняющихся затянуло облаком пара. Почти вслепую третьи номера выстрелили еще раз, но и этого было достаточно, чтобы атака войск Хендрика захлебнулась.

Не успели уцелевшие воины-сич переправиться обратно, как к непреодолимой преграде, тяжело поворачивая, поползли кафиры.

– Капитаны, сич – под стены! – командовал граф, и вскоре стрелки как горох покатались к основанию насыпи.

Боевые машины Хендрика подошли ко рву и дали дружный залп. Снаряды легли точно в уровень стрелковых бойниц, во все стороны полетели бревна. Раздались крики первых задавленных под стеной солдат.

– Ваша светлость, самое время ударить по кафирам, – они стоят совершенно неподвижно! – волновался Биррис.

– Нет, капитан, мы должны отразить еще одну атаку. Посмотри на наши стрелковые позиции... – В это время грянул еще один залп, и снова словно щепки полетели тяжелые бревна. – Видишь, что происходит? Хендрик уверен, что мы несем тяжелые потери, и сейчас решится еще на одну атаку. Ты заметил, что «живой мост» все еще сидит в канаве? Нет, капитан, мы тоже немного подождем...

Боевые машины сделали еще один залп и начали пятиться, освобождая место для атакующих.

– Буррот! Лонгай! Весь сич к бойницам! Кансай, две сотни дунгар под стены!

По деревянным лестницам воины-сич стали карабкаться на свои позиции. Они спешно занимали места у уцелевших бойниц и среди нагромождения расщепленных бревен.

Граф заметил пять сотен терума, которые Хендрик Одноглазый выстраивал сразу за колоннами сича. Они должны были ворваться в лагерь на плечах более дешевой пехоты.

– Кансай, еще три сотни дунгар под стены! – командовал граф. – Капитан Буррот, всем номерам стрелять с дистанции триста локтей!

Из укрытия к насыпи бежали еще три сотни сверкающих кирасами дунгар, а через ров переваливалась новая волна атакующих.

На этот раз их было около восьми тысяч. В поддержку атакующим кафиры сделали залп через их головы. Снаряды ударили точно в цель, войска Гарди начали нести серьезные потери.

Когда первые атакующие приблизились к насыпи на четвереста локтей, пять сотен терума, которые Хендрик готовил напоследок, начали выходить из-за кафиров. Граф Леонар понял, что пора действовать мортирам.

– Шорьер! Командуй!

Канонир скатился вниз по деревянному трапу и вскоре был уже на позициях мортир. Наводчики закрутили ручки, стволы медленно поплыли на заданный угол. Водомерщик специальным ковшом залил в мортиру воду, а следующий номер забросил щипцами калильный уголек. Послышалось шипение, которое затихло, когда в ствол скользнула карбидная бомба.

У трех расчетов все происходило синхронно. Командир первого расчета не отрываясь смотрел на манометр, стрелка которого быстро двигалась к красной отметке.

– Давление! – выкрикнул он, поднимая руку.

– Давление! Давление! – прокричали другие расчеты.

– Огонь! – скомандовал канонир Шорьер, и, извергнув клубы перегретого пара, бомбы со страшным грохотом покинули стволы мортир.

От частой стрельбы тысяч паровых грейганов позицию графа Гарди затянуло непроницаемым туманом. Атакующие падали шеренгами, но продолжали карабкаться вверх по насыпи. Когда первые солдаты Хендрика Одноглазого

оказались на самом верху, позиции его кафиров скрылись в ослепительных вспышках карбидных бомб.

Стоявший вокруг машин сич и около сотни терума сгорели в одно мгновение. Кафиры стали медленно пятиться. Один из них загорелся.

Воины-сич начали тушить горящую машину грязной водой, таская ее в кожаных ведрах. Им удалось погасить пламя, но болотный ил забил все смотровые щели, и спасенный кафир оказался совершенно слепым. Он не мог стрелять, но две другие боевые машины продолжали посылать в лагерь неприятеля снаряд за снарядом.

Снаряды с большим перелетом ложились позади паровых мортир, в то время как канониры графа Гарди удачно обстреливали пехоту противника, стоявшую в резерве.

Граф Леонар внимательно следил за ходом боя, время от времени корректируя действия капитанов. Они сами знали, что им следовало делать, но бывали моменты, когда им не хватало хладнокровия их господина.

– Мой господин, позвольте мне атаковать! – не находил себе места капитан Кансай, видя, как легко терум Хендрика косит обороняющихся стрелков. – Позвольте, ваша светлость, я смету их!

– Подожди, Кансай. Атаковать нужно только тогда, когда мы поймем, что сич сделал все, что мог. Посмотри, они еще стреляют, а значит, терум Хендрика несет потери. Пусть мы потеряем весь сич, но мы должны уничтожить все пять сотен терума...

Продолжая гнать обороняющихся, гвардейцы Хендрика заметили военачальников войска Гарди и подняли свои грейганы. Мгновенно возникшие возле графа капитаны закрыли его своими щитами. Пули ударили по металлу и ушли в рикошет.

– Ваша светлость, нужно уходить отсюда, здесь небезопасно! – крикнул Биррис, зажимая рукой рану на плече.

– Хорошо. Кансай, атакуйте! Уничтожьте их раньше, чем остальной терум Хендрика будет здесь! – Граф указал на переправляющуюся через ров гвардию Хендрика Одноглазого.

Кансай выхватил меч и помчался к скользящим дунгарам.

– Шорьер, разворачивай фальконеты на четыреста локтей позади мортир. Они должны успеть выстрелить хотя бы два раза!

– Лонгай, нам нужно еще десять тысяч сича, приведите их из замка! – распорядился граф и в сопровождении нескольких капитанов и оруженосца начал спускаться в лагерь.

Когда дунгары капитана Кансая покончили с передовым отрядом отборных гвардейцев, оставшиеся три тысячи ринулись в атаку на лагерь войска Гарди. Повинуясь приказу, Кансай начал немедленно отводить своих дунгар за линию выстроившихся фальконетов и за спины воинов-сич.

Не встречая никакого сопротивления, гвардейцы Хендрика перевалили через насыпные укрепления и с ликующими криками побежали в лагерь неприятеля.

Увидев противника, расчеты мортир бросили орудия и побежали, спасая свою жизнь. Это еще сильнее распалило атакующих, и некоторые, самые нетерпеливые, начали стрелять вслед убегающим. Солдаты Хендрика Одноглазого бежали по лагерю, срубая на ходу столбы шатров и переворачивая котлы для готовки пищи. Даже вид стоящих на позициях фальконетов не останавливал их продвижения. Подпрыгивающей воющей толпой они неслись на врага, ощущая себя неудержимой лавиной.

Позиции войск Гарди окутались паром, и через мгновение первые шеренги атакующих полетели на землю. Следующие за ними солдаты, спотыкаясь об упавших и перепрыгивая через трупы, продолжали свое стремительное движение.

Возле фальконетов суетились канониры, спеша перезарядить их еще раз, однако времени не хватило, и только несколько орудий успели выстрелить во второй раз практически в упор, разнеся нескольких атакующих в куски. Прислуга фальконетов была изрублена, и солдаты помчались дальше.

Дружно ударил залп из трех тысяч паровых грейганов, шеренга стрелков Гарди начала отходить. Следом сделала залп еще одна шеренга, а за ней третья. Гвардейцы Хендрика бежали по трупам своих товарищей, стремясь только к победе.

Наконец первые из них врубались в податливый сич, замелькали зеркальные мечи, валя стрелков налево и направо. Один гвардеец стоил тридцати воинов-сич, но атакующих оставалось не больше восьми сотен и многие из них были ранены.

Твердое ядро гвардейцев прошло массу стрелков насквозь и наскочило на ряды дунгар капитана Канся. Искры от клинков и кирас брызнули во все стороны, когда сошлись равные противники. Казалось, солдаты Хендрика были рады, что нашли себе достойных соперников. Они падали один за другим, с честью выполняя свой последний долг.

Не дожидаясь, когда дунгары полностью уничтожат солдат Хендрика, уцелевшие канониры вернулись к мортирам, стараясь привести их в боеспособное состояние – Хендрик потерял пехоту, но три кафира еще могли наделать много бед.

Вскоре две мортиры снова начали обстреливать боевые машины Хендрика.

Стараясь использовать любой шанс, чтобы нанести противнику урон, Хендрик Одноглазый пустил кафиры в обход болота, чтобы с близкой дистанции обстрелять замок Линструм.

Тяжелые машины медленно ползли по берегу, время от времени вздрагивая от попадания карбидных бомб, а граф Хендрик мрачно смотрел на все происходящее единственным глазом. Он так стремился прибыть к Линструму первым, чтобы ни с кем не делиться, но в результате потерял войско, и только упрямство мешало ему отвести кафиры назад и сберечь хотя бы их.

Очередная бомба пробила броню первого кафира, он взорвался, разлетевшись снопом фиолетовых искр. Граф Хендрик закрыл лицо руками и повернулся к стоящему рядом с ним раненому капитану:

– Анабай, отводи кафиры и собирай всех, кто остался. Мы уходим...

10

После боя прошло только два часа, но лагерь было трудно узнать. Спешно восстанавливались насыпи и укреплялись стены. Мертвый сич выносили за укрепления и бросали на землю – на следующий день существа эти превратятся в обычную золу.

С телами погибших дунгар и гвардейцев Хендрика Одноглазого обращались значительно бережнее. Их сносили в середину лагеря, где тела освобождались от одежды и тщательно омывались.

Уцелевшие пятнадцать тысяч воинов-сич в предвкушении вечерней церемонии были перевозбуждены, поэтому работали как заведенные, совершенно не выказывая признаков усталости.

– Это удивительно, ваша светлость, как они работают, я такого раньше не видел... – сказал Биррис, чуть заметно морщась – его рука была перевязана и, по всей видимости, доставляла ему беспокойство.

– Раньше у нас не бывало столько трофеев – четыре тысячи отборного терума, – пояснил Кансай.

– Его светлость спас наши жизни уже в третий раз и одержал блистательную победу. – Старший капитан Биррис поклонился стоящему рядом графу.

– Ну-ну, капитан, не потревожьте свою рану. Я принимаю ваши поздравления, но поверьте, без таких бесстрашных солдат, как вы, никакие полководческие таланты не помогут... Синдо, – обратился граф к оруженосцу, – найди капитана Лонгая и скажи ему, что церемонию начнем с заходом солнца.

Синдо поклонился и убежал выполнять приказание графа.

– На сколько новых дунгар мы можем рассчитывать на этот раз, ваша светлость? – спросил капитан Лайх, назначенный на место погибшего Буррота.

– Боюсь ошибиться, но на пять сотен новообращенных мы можем рассчитывать твердо...

– Выходит, ваша светлость, мы полностью покроем свои потери? – спросил канонир Шорьер.

– В пехоте – да. Мы лишились сича, но можем приобрести терум. Однако снарядов к мортирам больше нет, а армия Барнейского союза уже близко... Теперь, капитаны, я ненадолго оставлю вас, чтобы переодеться к вечерней церемонии...

11

Джек Саймон и Хейс Тернер были в пути уже десять дней, и чем ближе они подходили к горам, тем чаще их беспокоили канино.

Судя по всему, дикари поставили себе целью во что бы то ни стало разделаться с последними представителями рода человеческого и не жалели сил, чтобы этого добиться.

Джек и Хейс отбивались как могли, но совсем оторваться от погони были не в состоянии – мешали тяжелые рюкзаки. Патронов оставалось не более сотни, и по ночам Тернер уходил на охоту, вернувшись к практике упреждающих ударов.

Саймон оставался караулить драгоценные регенерационные шашки и не смыкал глаз до самого утра, а когда Тернер возвращался, они снова пускались в путь.

После ночных рейдов Хейса канино не беспокоили путешественников в течение всего дня, так что можно было выкроить пару часов для сна.

По мере продвижения холмы становились выше и острее, а спуски и подъемы круче. Приходилось тратить больше сил, поэтому расстояние, проходимое за

день, сокращалось.

– Стой... – скомандовал Хейс, когда они оказались на верхушке горы, поросшей высокими елями. – Бросай мешок, будем отдыхать.

– Как скажешь, начальник, – согласился Джек, снимая с плеч тяжелый рюкзак.

– Посидим здесь полдня. Нам необходимо как следует отдохнуть.

– Как отдохнуть? А канино? – не понял Саймон.

– Канино от нас отстали. Слишком далеко отстали. Я даже опасаюсь, что отбил у них охоту к преследованию, а это плохо. – Хейс сел на землю возле своего рюкзака и с наслаждением вытянул ноги.

– Что-то я тебя не понимаю, объясни...

– Садись, Джек... Все очень просто. Ты представляешь себе, что такое десять тонн камней? Как их натаскать и погрузить в бункер вдвоем? На это уйдет неделя, за которую нас обязательно кто-то найдет и как минимум не даст грузить камни. Понимаешь?

– Еще нет.

– Нам нужна рабочая сила, Джек. Мы должны довести канино до стартовых площадок, а там разоружить и заставить грузить камни...

– Так просто? – улыбнулся Саймон.

– Это совсем непросто, и еще не факт, что у нас это получится, но пока нам нужно подождать дикарей. Поэтому давай отдохнем и разведем небольшой костерок, а то я от копченого мяса уже одурел. Горячего супчика хочется.

– У нас нет котелка.

– Ха! Пехота, она пехота и есть... Сразу видно, что привык получать паек от сержанта. Так? У меня есть толстая фольга, а из нее можно соорудить хоть кофейные чашки. – Хейс поднялся с земли и отряхнул со штанов приставшую хвою. – Твое дело дрова и дикий фитис, а я позабочусь об остальном.

Вскоре костер уже бодро потрескивал, а его дым стелился между деревьев, разнося весть о присутствии людей.

Хейс сидел рядом со своим рюкзаком и заканчивал потрошить какую-то маленькую жирную зверюшку. В квадратной кастрюле, сделанной из фольги, уже лежал мелкий, как горох, дикий фитис и разные травки, которые насобирал в лесу Тернер.

– Эй, Тернер, надеюсь, это не крыса? – спросил Джек, подозрительно заглядывая через плечо повара.

– В нашем теперешнем положении задавать такие вопросы неуместно...

– Это так, но... Хотелось бы знать...

– Чего тут знать, Джек?! В лесу можно есть все. Конечно, лучше употреблять в пищу мясо теплокровных, – оно калорийнее.

Хейс закончил разделку и, побросав кусочки мяса в кастрюлю, вытер руки о большой лопух.

– Ты сделал слишком большую кастрюлю. У нас нет столько воды, а до реки еще километров пятнадцать... – заметил Джек Саймон.

– А что за река, большая?

– Называется Балако. Обычная горная речка, быстрая, но неглубокая. Немного западнее, в пятидесяти километрах отсюда, я запросто переезжал ее на тракторе с прицепленной фурой...

– У нас трактора нет, а вода небось ледяная... – покачал головой Хейс, устанавливая кастрюлю на огонь. – Смотри и учись. В лесу вместо воды можно

использовать дикие огурцы. Если их пытаться выжимать – ничего не получишь, кроме, извините, зеленоватых соплей, а если запарить в кастрюле, они отдадут воду сами.

– И нам придется их съесть?

– Нет, мы их выбросим. Ты, я вижу, слишком щепетилен в еде. – Хейс укоризненно посмотрел на Джека.

– Как может быть щепетилен в еде обычный фермер? – возразил Джек. – Я не щепетилен, я консерватор. Я, например, знал людей, которые пробовали саранчу...

– Что там саранча, Джек! Ее нужно есть, только если хочешь очистить кишечник, а вот слизняки, живущие в обычных выгребных ямах, очень богаты белком, и если...

– Прошу тебя, Хейс, не продолжай, – скривился Джек.

– Ну, извини... – И Хейс замолчал.

Над самыми верхушками сосен пролетела стайка маленьких птичек. Хейс отвлекся от стряпни и проводил их глазами.

– Наконец-то...

– Что, суп сварился? – по-своему истолковал его слова Джек.

– Нет, канино вышли на наш след. Часа через полтора будут здесь...

– Откуда ты знаешь? – Джек поднялся на ноги и начал оглядываться.

– Синички рассказали... Не спеши, раньше времени они не придут. Ну вот, огурцы можно выбрасывать. – Хейс ловко поддевал палочкой кожуру диких огурцов и отбрасывал в сторону. – Хорошо, далматник молодой попался, – быстро сварился.

– Далматник? Значит, все-таки крыса? – заключил Джек, однако его несколько успокоил идущий от супа запах.

– Давай, Джек, присаживайся. После обеда нам придется бежать без остановки до самой реки.

12

Балако оказалась не такой глубокой, как они ожидали. Множество больших валунов, как будто специально расставленных поперек русла, давали возможность перейти на другой берег, не замочив ног.

– Ну, что скажешь? – стараясь перекричать шум воды, спросил Джек.

– Что я могу сказать? Переходить нужно здесь, но... – Хейс пристально посмотрел на густой кустарник, росший на противоположном берегу. – Не нравится мне это место.

– А чем оно тебе не нравится?

– Кусты растут слишком близко к воде. Для засады место просто идеальное.

– Да тут везде растут эти кусты. На всем протяжении реки... – возразил Джек. – Тебе везде мерещится засада.

– А почему здесь птиц нет? Возле берега должны бегать всякие водяные птички, а их нет...

– Да брось ты, Хейс. Какие птички? Это тебе не лес...

– Ладно, пошли... – согласился Хейс, не спуская глаз с противоположного берега.

Камни оказались очень скользкими, Джек раза два чуть не свалился в воду. Он балансировал с мешком в одной руке и автоматом в другой, стараясь

высмотреть камень понадежнее.

Хейс шел на несколько метров впереди и тоже чувствовал себя не слишком уверенно. Сделав шаг, он замирал, бросал взгляд на кусты и только после этого делал следующий шаг.

Внезапно он резко присел, и одновременно с этим в камень возле Джека ударила крупнокалиберная пуля. Над кустами перелесника поплыло облако белого пара.

Джек, все еще ничего не понимая, последовал примеру Хейса. Из кустов раздались еще два выстрела, но Хейс уже соскочил в воду и ответил очередью из автомата.

Глубина оказалась небольшой, вода едва доходила до пояса. Джек соскользнул с валуна и от толчка бурного потока едва не выронил автомат. Восстановив кое-как равновесие и придерживая ногами вырывающийся рюкзак, он поднял свой автомат.

Кусты шевельнулись, и Джек выстрелил навскидку. Пули срезали несколько веток. Хейс быстро оглянулся на Джека и, увидев его с автоматом, одобрительно кивнул. Борясь с течением, он начал медленно двигаться вперед.

Джек встал поудобнее, стараясь не думать о холодной воде и быстром течении. Чуть выше кустов, между деревьями, возник чей-то силуэт. Через долю секунды Джек выстрелил, и силуэт исчез.

Тем временем Хейс продолжал двигаться вперед, от берега его отделяло не более десяти метров. Джек стоял на месте, ожидая, когда его напарник выйдет из воды. Хейс залег у самой кромки воды, и тогда Джек начал пробираться к берегу.

Ему оставалось пройти не больше пяти метров, когда между деревьев, растущих на каменистом склоне, появились люди и побежали вниз.

Автомат Хейса часто защелкал, Джек, метнув на берег мокрый рюкзак, тоже открыл огонь.

Атаковавших было не менее пятидесяти, но быстрая и точная стрельба оборонявшихся умерила их пыл. Они засели в кустах и начали обстреливать берег.

По камням защелкали пули, а над кустами и среди деревьев поплыли облака пара.

– Это что еще за хреновина? Пар, что ли? – крикнул Хейс, продолжая стрелять одиночными.

– Сам не пойму! – отозвался Джек, ловя на мушку чью-то голову. – Хейс, у меня патроны кончаются!

– А у меня, считай, кончились! – Он выстрелил еще раз, и очередная жертва покатила по склону.

– Что будем делать?

– Выбора у нас нет, Джек... – Хейс сделал паузу и выстрелил еще раз. – Ты мачете не потерял?

– Я-то не потерял, а ты как? С ножом?

– За меня не беспокойся. Сейчас патроны кончатся, и рванем прямо на них. Пусть они хоть в штаны наделают перед тем, как нас подстрелить...

– Что ж, Тернер, я готов. У меня последние два патрона.

Через несколько секунд пустые автоматы лязгнули затворами.

– Давай, Саймон! – крикнул Хейс, и оба рванулись в отчаянную атаку. Сверху раздались запоздалые выстрелы, но Джек и Хейс были уже в кустах.

Джек сразу же столкнулся с коренастым солдатом в незнакомой форме. Противник зарычал и, выхватив меч, прыгнул на Джека. Саймон едва успел уклониться, острое лезвие со свистом срезало несколько ветвей перелесника. Джек заметил, что меч у его врага был несколько длинноват и все время задевал

за кустарник. Решив воспользоваться этим преимуществом, он нанес удар своим мачете, однако противник легко отразил его металлическим налокотником и сделал стремительный ответный выпад.

Джек отбил меч в сторону и рукояткой мачете приложил противника по голове. Удар пришелся по металлическому шлему, но чужак потерял равновесие и упал на одно колено. Джек сделал еще один короткий взмах, и голова противника полетела в кусты.

Разделавшись со своим соперником, Джек на секунду остановился и, определив по звуку, где дерется Хейс, бросился ему на помощь.

Он подоспел вовремя. На небольшой полянке Хейс отбивался от трех наседавших на него противников, размахивая длинным трофейным ружьем. Одновременно он старался не подставляться четвертому, который стоял в нескольких метрах и пытался поймать скачущего Хейса на мушку.

– А-а-а! – страшным голосом закричал Джек и бросился на стрелка. Своим криком он достиг того, чего хотел. Стрелок развернулся к нему, а один из противников Хейса, отвлекшись на мгновение, тут же получил по голове.

Раздался выстрел, но Джек ожидал этого и упал на траву. Его лишь обдало горячим паром, и он остался цел.

Видя, что промахнулся, стрелок выхватил меч и кинулся к лежащему.

Джек перекатился в сторону, меч неприятеля ударил в землю. Вскочив на ноги, Джек нанес удар, целясь противнику в голову. Тот легко отбил удар металлической перчаткой, на его лице появилось нечто вроде улыбки.

Он поудобнее перехватил меч и, чтобы покончить с Джеком, ударил что есть силы. Джек нырнул под лезвие и рубанул своим мачете по рукоятке меча. Чужак зарычал, меч упал на землю. Развивая успех, Джек попытался ударить его ногой, но противник встретил удар стальной рукавицей, и Саймон едва не закричал от боли.

Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы на голову неприятеля не обрушился приклад трофейного оружия.

– Для фермера очень неплохо, – улыбаясь, сказал Хейс. Он тяжело дышал, а из рассеченной щеки текла кровь.

– Что, больше никого нет? – спросил Джек. Морщась от боли, он растирал ушибленную ногу.

– Нет. Остальные ушли. Эти ребята, – Тернер кивнул на лежащих на земле, – играли роль заслона. Прикрывали отход.

– Их было не меньше полусотни. Чего же они нас двоих испугались?

– Ну, мы с тобой неплохо стреляем. Они не знали, что у нас кончились патроны. Думаю, что там между деревьев, – указал Хейс на пологий склон, – их еще десятка полтора валяется.

– Что это за люди, Тернер? – Джек поднялся с земли и, прихрамывая, начал разминать ногу.

– Если честно, то я понятия не имею. Какие-то коренастые здоровяки. Смотри, скулы какие и цвет кожи желтоватый. – Хейс присел на корточки перед лежащим телом и стал внимательно его рассматривать.

– А эти кирасы, рукавицы, мечи? Откуда все это? Много ты знаешь армий, где солдаты одеты в металлические доспехи? Они же жутко тяжелые.

– Мечи мне видеть случалось, – вспомнил Хейс, – у одних вояк из созвездия Бегущей Собаки. Парни ходили в позолоченных красных мундирах и носили мечи, но это была их парадная форма.

– Что будем делать дальше, Хейс?

– А ничего нового. – Тернер посмотрел по сторонам. – Вернемся за нашими рюкзаками и продолжим свой путь.

- Но эти парни, - Джек махнул в сторону леса, - они будут стараться мешать нам.

- Это точно, - кивнул Хейс, - настроены они решительно.

- Но у нас нет патронов.

- Патронов нет, это так. - Хейс взвесил в руках ружье и добавил: - Значит, будем осваивать вот это.

- Это? Это же, по-моему, паровое ружье...

- Ну и что, что паровое. Они же воют с такими ружьями, значит, и мы сможем. Смотри, длина ствола больше метра, калибр примерно двенадцать миллиметров, - серьезный аргумент. А вот смотри... - Хейс потянул за рычаг, и закрывающая механизм коробка отошла в сторону. - О, да тут все понятно. Сюда воду заливают, а это магазин на пять пуль. Все просто...

- А где же этот... как его... котел?

- Да вот трубка медная ведет сюда... Смотри, форсунка...

- Точно, как в огнеметах «J-2»...

- Ты смотри, какая хорошая работа. Такой сложный механизм - и все цело. А ведь я этим ружьем четыре головы расколос. - Хейс с уважением погладил свой трофей.

- Крепкий материал, - кивнул Джек. - Следов от ударов мечей почти не заметно. Осталось только «дрова» найти...

- Ты не смейся. Бьюсь об заклад, «дрова» вот в этой коробочке. - Тернер нагнулся и снял с пояса лежащего солдата блестящую капсулу. Отвинтив крышку, он осторожно заглянул внутрь. Там оказались серые шарики величиной не больше вишневой косточки. - Все понятно...

- Что тебе понятно?

– Сейчас покажу тебе, как эти «дрова» действуют. – Тернер потряс коробочку, и на землю выпал один из шариков.

– Это «дрова»? – Джек с сомнением покачал головой.

– Отойди подальше, – предупредил Хейс и, отступив на пару шагов, искусно плюнул точно в цель.

Шарик взорвался ослепительным огнем, опалив всю траву на полметра вокруг.

– О! – протирая глаза, только и сумел сказать Джек.

– То-то же. Шарик вот он, на месте, а ты говоришь – дрова...

13

В точке космического пространства 12-35-«Север» неподвижно висели два судна. Одно из них называлось «Фучихан» и являлось усовершенствованным элеватором для хранения сельскохозяйственной продукции. Второе судно называлось «Окунь». Это был скоростной и маневренный корабль. Специальная окраска маскировала боевую броню, а орудия были надежно упрятаны под защитными кожухами. «Окунь» был пиратским кораблем, им командовал капитан Ди Пента.

Капитан Ди уже давно занимался довольно мирным для пирата бизнесом. Он перехватывал самоходные бункеры, которые следовали в автоматическом режиме.

Место было во всех смыслах хлебное, поскольку совсем недалеко находились элеваторы «Виллидж-Плейс» и «Фрейзер фудс» – двух гигантов, скупавших в этом районе космоса всю сельскохозяйственную продукцию.

Ди Пента опустошал и уничтожал бункеры, а зерно сдавал как свое собственное. Денег хватало и самому капитану, и его многочисленной команде, достигшей за

последнее время шести сотен человек.

Уже пятый год Ди Пента не занимался убийствами и грабежом в открытом космосе. За ним не гонялись полицейские «Грей Хантеры», и он не брал на бордаж богатых «купцов». Жить бы да жить в свое удовольствие, но все чаще Ди Пента вспоминал свои подвиги, и душа его томилась по настоящему делу.

Однако за пять прошедших лет былые связи оборвались, сеть осведомителей распалась, и уже никто не мог подсказать капитану Ди время старта и курс летающего сейфа, несущего в своих трюмах миллионы кредитов.

– Босс, пассажирский шаттл «Луиза Бланк» отклонился от курса. Должно быть, заблудился. Не интересуетесь?

Это был Жан Лурье, который служил у Ди Пенты очень давно. Жан помнил былые набеги на такие вот пассажирские калоши, где одних только кошельков и драгоценностей можно было взять миллиона на полтора. Лурье все помнил и хотел вернуть старые времена.

– Нет, Жан, спасибо. Пускай себе летит...

– Да, босс, пусть летит, – отозвался Лурье.

Капитан представил, как покривилось лицо Жана, когда он произносил эти слова.

А ведь можно было подойти на «Окуне» к шаттлу и вскрыть его как консервную банку. Дальше, капитан хорошо помнил это, следовала суета, неразбериха, прибегал командир корабля, и Ди Пента лично убивал его. Потом шмонали пассажиров и отбирали деньги и драгоценности. Напоследок забирали стюардесс и тех пассажиров, что особенно приглянулись абордажной команде. Лучшие из них, конечно, доставались капитану.

Особенно пираты любили шаттлы «Спэйс Бридж». Всегда самая богатая публика и самые красивые стюардессы.

Только все это в прошлом. Теперь Ди Пента – вор. Жалкий воришка, таскающий фитис и зерно. В этом бизнесе приходилось быть осторожным и внимательно следить за тем, чтобы изымались бункеры, приходящие из разных мест. Иначе дело могло дойти до полицейского расследования. Теперь Ди Пента боялся полицейских. Теперь ему было что терять. А вместо длинноногих стюардесс, этих прекрасных невольниц, можно было вызвать девочек Джонни Айсмана.

Один звонок, и в заранее обговоренные сроки к борту «Фучихана» пришвартовывался летающий бордель «Ночная бабочка» или «Фиалка». У Айсмана их было много. Но проститутка, как бы она ни имитировала жаркий оргазм, все равно оставалась проституткой. К тому же ее нельзя было пристрелить. По крайней мере, это было дорого. Джонни Айсман не имел ничего против, но выставлял огромные счета.

Капитан Ди поднялся с кожаного дивана и подошел к зеркалу. Да, живот выпирает, и глаза какие-то сонные. Скоро он, Ди Пента, превратится в толстого старикашку, и жаждущие крови более молодые коллеги просто вышвырнут его за борт.

Настроение было дрянь. Чтобы немного развеяться, капитан поднялся на артиллерийский пост.

– Здравствуйте, сэр, – приветствовал его командир смены, молодой лейтенант. Он вскочил со своего места, но капитан жестом разрешил ему сесть. Когда-то этот парень дезертировал из Космического флота, испугавшись ответственности за совершенное преступление, и здесь, возле орудий «Окуня», он пришелся весьма кстати.

– Как дела, Перовский?

– Спасибо, сэр. Все идет по плану. Сейчас будем «убивать» два пустых бункера. Их как раз заканчивают разгружать на «Фучихане»...

Ди Пента подошел к иллюминатору – в пятистах метрах висел огромный корпус элеватора. Время от времени от него отходили пустые контейнеры. Их-то и расстреливал Перовский, чтобы скрыть следы.

– Знаешь, что... Дай я сам нажму на кнопочку, а то на душе как-то муторно. Может, полегчает, – попросил капитан.

– Конечно, сэр, нет проблем... Вот, первый уже пошел... Одну минуточку, сэр, я только захвачу его... Все, можно...

– Которую тут давить?

– Вот эту, сэр, зелененькую...

Ди Пента нажал кнопку, и бункер разлетелся на мелкие части. Лицо капитана осветила слабая улыбка.

– Ну как, сэр, вам понравилось?

– Да, Перовский, все было очень красиво. Пойду я...

– А как же второй, сэр? Сейчас будет еще один.

– Разбей его сам. – Ди Пента направился к выходу, приостановился и снова повернулся к Перовскому: – Послушай, а ты не отказался бы пошалить?

– Не понял, сэр...

– Ну, как это делала в свое время команда «Окуня».

– Я об этом лишь слышал, сэр. Я ведь здесь всего два года и знаю о прошлом только по рассказам.

– Это было больше пяти лет назад. Ну, так ты с нами?

– Я уже давно с вами, сэр, – ответил лейтенант.

– Ну ладно. – Капитан Ди кивнул и вышел. Он спустился в шлюз и, забравшись в свою шлюпку, направился к «Фучихану».

Это была обычная контрольная проверка. Капитан посещал элеватор два-три раза в неделю. Но на этот раз он желал убедиться в том, что люди его старой команды все еще способны на что-то большее, чем воровство фитиса.

Едва Ди Пента прибыл на «Фучихан», как тут же появился Лимбах, управляющий элеватором в отсутствие капитана.

– Как дела, Лим? – спросил Ди Пента.

– Все нормально, босс. В основном идет высший сорт. Первого совсем мало. Уже сейчас мы загружены на пятьдесят четыре процента. В этом месяце идем с опережением графика.

– Ты молодец, Лим. – Ди похлопал управляющего по плечу. – Иди, ты мне больше не нужен. Хочу пройтись по элеватору.

– Как скажете, босс. – Лимбах удалился.

На каком бы ярусе капитан ни появлялся, везде он видел работающих людей, едва кивавших Ди Пенте при его появлении. А чего он хотел? Превратил абордажную команду в бригаду работяг. И куда он, Ди Пента, смотрел раньше, если не замечал недовольства своих людей?

Работы было много, а это означало, что доходы повысятся, но это почему-то уже не радовало капитана. Он нашел Руби Резника, бывшего на элеваторе чем-то вроде бригадира, и первым протянул ему руку.

– Привет, босс, – ответил на рукопожатие Руби. – Работаем на полную катушку. – Он кивнул на грохочущие кран-балки, перевозящие груженные емкости.

Бригадир улыбался, но в его глазах Ди Пента увидел некоторую настороженность.

– Здесь слишком шумно, пойдем куда-нибудь, где можно поговорить, – сказал капитан.

- В моей будке не так шумно, - предложил Руби.

Они зашли в крохотную конуру, которая служила бригадиру офисом, и Ди Пента увидел Соню.

- О, босс пожаловал! - широко улыбнулась Соня, продемонстрировав отсутствие двух передних зубов.

- Погуляй пока, - сказал ей Руби, - у капитана ко мне разговор.

- У капитана к нему разговор, - пробурчала Соня и, вставив в рот сигарету, вышла из будки.

- Садитесь, босс. Рассказывайте, что у нас за проблемы? - Руби сел за небольшой столик, а напротив него устроился Ди Пента.

- Проблемы не новые, Руби. Они старые.

- Решим любые проблемы...

Капитан улыбнулся:

- Ты все тот же неутомимый парень, Руби. Только сейчас малость покрылся плесенью и заржавел, как и все мы.

- Что-то я пока не понимаю юмора, босс...

- Дело простое, Руби. Мы превратились в свалку, в помойку, в дерьмо... Это моя вина. Думал, что будем потихоньку тырить фитис и жить припеваючи, но...

- Я все еще ничего не понимаю, босс, - недоумевал Руби.

- Не потрянуть ли нам стариной, а, Руби Резник? Не поискать ли богатой добычи?

Ди Пента замолчал и уставился на собеседника, ожидая его реакции.

– Так, босс, – Руби развел руками, и на его небритом лице расцвела улыбка, – все ребята только того и ждут! Нет, вы это серьезно, босс?

– Да уж куда серьезнее, Руби!

От переполнявших его чувств Руби вскочил с места:

– Так я, капитан, побегу ребят обрадую?

– Ну, бежать, допустим, не надо, а так спокойно объясни им ситуацию...

– Ну ладно, короче, я пойду объясню... – Руби выскочил из будки, но через мгновение вернулся: – А то, капитан, вы уж извините, мы же вас грохнуть хотели... – Руби снова виновато развел руками. – Но раз такие дела, то мы, конечно... – И бригадир снова выскочил вон.

«Как я вовремя, – подумал Ди Пента, – то-то они на меня так смотрели...»

Капитан вышел на ярус и увидел курящую Соню. Пройти мимо было как-то неловко, подойдя ближе, он сказал:

– Слышала новость?

– Какую новость? – настороженно, как вначале Руби, посмотрела на него Соня.

– Снова выходим на охоту, как в старые времена...

Однако Соня не обрадовалась, наоборот, как показалось Ди Пенте, насупилась еще больше.

– Ты не рада?

– А мне все равно. – Соня равнодушно пожала плечами и прикурила от окурка вторую сигарету.

– Но ведь ты же настоящий пират, Соня. Ты была одной из лучших...

- Пиратом я стала не по своей воле, капитан. Или забыл?

Ди Пента все отлично помнил. Восемь лет назад он атаковал следовавшего на Сакеф «купца». Вся команда судна, кроме молоденькой девушки, была перебита. Ее Ди Пента оставил лично для себя, – уж больно она была хороша.

Два месяца она жила в каюте у капитана, а потом он по пьянке подарил ее Кубасаю, своему первому помощнику. Кубасай, в свою очередь, проиграл ее в карты старому наркоману Бао Лерю. А тот посадил девчонку на иглу и потом расплачивался ею, когда нужны были наркотики.

Вскоре во время нападения на «летающий сейф» «Бэнкс-систем» Бао получил пулю в живот, и его девчонкой начали пользоваться все, кто хотел.

Она жила в машинном отделении, в щели между стеной и главным реактором. Оттуда ее забирали, отмывали, а потом использовали. Туда же ее приносили обратно. Потом был период, когда женщин на корабле хватало, и про Соню забыли. Никто не доставлял ей наркотиков, и только механики иногда приносили воды или корку хлеба.

Пережив жесточайшую ломку, Соня сумела выжить. Механик Дейв Гесс несказанно удивился, когда увидел ее, возникшую словно привидение и попросившую поесть.

За следующие три дня девушка окрепла, убрала свой заблеваный и залитый нечистотами угол. Она помогала механикам в уборке машинного отделения, готовила им еду, а на большее они не претендовали – женщины на корабле все еще были.

Еще через месяц последнюю наложницу выбросили за борт. Какое-то время все занимались своими делами, пока кто-то не вспомнил о Соне. За ней послали гонцов, но те вернулись ни с чем. Девушка отказывалась от наркотиков и ни в какую не соглашалась обслуживать пиратов. Тогда двадцать человек спустились в машинное отделение, чтобы сделать из строптивой шлюхи настоящую отбивную.

Когда вся толпа оказалась перед Соней, девушка поставила на пол «лягушку» – прыгающую мину, начиненную десятью тысячами поражающих элементов. Мина срабатывала на движение.

Выпученными от ужаса глазами пираты смотрели на «лягушку» и представляли свои потроха развешанными на стенах машинного отделения.

– Ну что, козлы вонючие, – обратилась к ним Соня, – вы же знаете, что у вас есть полторы секунды, чтобы успеть прижать пальцем детонатор, так давайте, покажите, что вы действительно крутые парни... И тогда вы сделаете со мной все, что захотите...

Пираты оцепенели от страха и не могли даже говорить. Только один из них разлепил побелевшие губы и пролепетал:

– С-соня, если можешь, отключи эту штуку.

– Хорошо, но тогда вы, кучка поганцев, будете обращаться со мной как с равной, поняли?

Пираты продолжали молчать.

– Я не слышу ответа. Поняли или нет?

– П-поняли...

– Поняли, Соня. Отключи эту штуку.

– Пожалуйста, Соня...

– Ладно, договорились, – смягчилась девушка. – Всем внимание...

Соня схватила «лягушку» и, перевернув ее, прижала чеку пальцем, затем достала из кармана предохранитель и завинтила его на место.

– О-ох... – выдохнули пираты одновременно.

– Так она, сука, нас всех чуть не угробила! – заорал пришедший в себя Тони Хариер и, подхватив с пола разводной ключ, бросился на девушку.

Он сделал только два шага и получил пулю в живот. Посмотрев, как он корчится на полу, Соня опустила пистолет и сказала:

– Мы же договорились – обращаться как с равной...

Когда Ди Пенте доложили о происшествии в машинном отделении, он рассудил, что такой человек, каким оказалась Соня, стоит дороже, чем Тони Хариер, и разрешил ей остаться в команде.

После этого никто не посмел напомнить девушке о ее прежней жизни. Она завоевала авторитет в лихих абордажных боях и не избегала внутренних пиратских разборок.

На ее теле множилось количество шрамов и вместе с тем росло влияние на пиратов. Вскоре ее статус уже приравнивался к уровню бригадира. Однако небольшую команду, как положено бригадиру, капитан Соне не дал. Ди Пента хорошо помнил, кто такая Соня. Он все помнил и понимал, что девушка всегда будет ненавидеть его.

Несмотря на посеченное шрамами лицо и пару выбитых зубов, она не утратила привлекательности, походка по-прежнему оставалась легкой и стремительной. Коротко стриженные темные густые волосы не потеряли своего блеска. Ди Пента знал, что теперь Соня живет с Резником, и даже испытывал что-то вроде ревности.

– Неужели ты не рада, что мы наконец вернемся к старой работе? Мне казалось, тебе это нравится...

– Иногда нравилось, а иногда не очень...

– Тогда почему ты не уехала? Тебе одной, в виде исключения, было разрешено вернуться домой... Чего же ты хочешь, кроме того, чтобы пристрелить Ди Пенту?

Соня бросила на капитана быстрый взгляд, и он понял, что попал в самую точку.

– Пойду я, капитан, а то меня на сортировке люди заждались.

14

Экипажи «Фучихана» и «Окуня» с восторгом приняли известие, которое разносил Руби Резник. Ветераны приходили в каюту к капитану с личными поздравлениями.

На другой день на общем собрании бригадиров было решено не прекращать бизнеса с фитисом и зерном, но делать это в меньших масштабах.

Охоту решили начать с северного узла – пересечения транспортных путей Северного района. Он находился на достаточном удалении от стоянки «Фучихана», к тому же был напичкан навигационными спутниками. Спутники засоряли эфир и делали сигналы подвергавшихся нападению кораблей едва различимыми.

Самой большой проблемой оказался отбор кандидатур в первую экспедицию. Требовалось отобрать сто пятьдесят человек из пятисот добровольцев. Обсуждение было жарким, несколько раз дело едва не доходило до драки. Усилиями Ди Пенты и его помощника Кубасая вопрос наконец-то был разрешен, и бригадиры разошлись, чтобы подготовить своих людей к предстоящему рейду.

На следующее утро «Окунь» отправился в путь.

За два дня предстояло преодолеть большое расстояние и постараться не вызвать подозрений у встречных судов.

– Эй, борт 234-45 – «Юла», скорректируйте свой курс на четыре секунды, вы отклонились от утвержденного фарватера, – раздался голос дежурного одной из навигационных станций.

– Просим прощения, сэ, немного барахлит визиограф, – нашелся Жан Лурье.

– Рекомендую зайти на регулировку, иначе можете нарваться на большой штраф... Лучше всего это делают в «Таккинен плайс сервис»...

– Большое спасибо, сэр, мы так и поступим, – ответил Лурье и, повернувшись к своему напарнику Тедди Санстрему, добавил: – Небось этот Таккинен приплачивает дежурному за рекламу своей лавочки...

– Жалованья бедняге не хватает...

– Надо связаться с Ди, – сказал Лурье, – пусть принимает меры, а то мне так до самого северного узла брехать придется...

– Капитан? Это Лурье... Вы слышали?

– Да, Жан, – отозвался Ди Пента, – имел удовольствие. Ты брешешь так же складно, как и раньше...

– За это, конечно, спасибо, но что за собачий хрен у нас вместо штурмана?

– На совете бригадиров его рекомендовал Кубасай, говорил, что и ты был бы не против...

– А как его имя? Интересно узнать, раз я был бы не против...

– Абу Сайз...

– Абу Сайз?! Капитан, да его и близко нельзя подпускать к штурманской! Да он...

– Не бухти, Жан... Его уже заменили. На Билли Свинопаса...

– А, ну тогда я спокоен. Билли свое дело знает...

– У тебя ко мне все?

– Понял, капитан, исчезаю...

Распрощавшись с Лурье, Ди Пента связался с боевой частью.

- Перовский?

- Слушаю, сэр...

- Как ты там? Как напарник?

- У нас все нормально, сэр. Мистер Бондик схватывает все на лету.

- Какой он тебе мистер? Зови его «каналья Бонд». Он ведь сам напросился к тебе в ученики, старый мешок. И чего ему приспичило учиться на старости лет? Он мой давнишний друг, поэтому я пошел ему навстречу...

- Должен заметить, сэр, что мистер... э... Бонд очень живо интересуется артиллерийскими системами и учить его одно удовольствие.

- Ну ладно, ребята, похоже, вы поладите. Всего хорошего...

После боевой части Ди Пента связался с Кубасаем, которому, как обычно, предстояло возглавлять вторжение на корабль-жертву.

- Кубасай слушает... - раздался хриплый голос первого помощника.

- Пьяный, что ли?

- А, кэп, это ты... Да понимаешь, зуб меня замучил, зараза, ноет и ноет. Так я его спиртом полоскаю. Есть такое хорошее средство: берешь спирт...

- Это средство я знаю, только в конце спирт надо не глотать, а выплевывать, - напомнил Ди Пента.

- Выплевывать спирт?! Да ты что, Ди, издеваешься?

- Ладно, давай о деле. Как люди?

– Да ты не беспокойся, ребята чувствуют себя превосходно. Все в приподнятом настроении.

– Меня волнует не их настроение, а то, в какой они форме... Первую четверку отобрал?

– Еще нет, Ди, но время-то пока есть...

– Короче так, Вова. – Голос Ди Пенты стал жестким и властным, как в прежние времена. – Сейчас ты идешь и расписываешь людям их места. Через полчаса я спускаюсь в трюм и все проверяю. Если люди будут мне мямлить что-то невразумительное, я тебя пристрелю собственными руками и назначу нового помощника.

Когда Ди Пента появился в трюме, Кубасай проводил последний инструктаж. Увидев капитана, он улыбнулся почти трезвой улыбкой и, подойдя к Ди Пенте ближе, окатил его волной спиртовых паров.

– Сэр, весь личный состав в курсе – можете проверять.

Капитан ничего не ответил. Он прошел вдоль рядов вооруженных пиратов. Среди них было много тех, кто уже в прошлом не раз ходил на захваты судов.

– Ладно, народ, я вижу, бывалый. Кто в четверке?

– Вот, – показал рукой Кубасай, – самые крепкие ребята.

Действительно, авангардная четверка выглядела вполне убедительно. Все парни за два метра ростом. В тяжелой броне и вооруженные армейскими «каскадами» они выглядели как боевые машины.

– Откройте забрака, – приказал Ди Пента.

Пираты выполнили приказание, и капитан сразу узнал двоих из них.

– Ага, Бибо и Тушка здесь, значит, я спокоен...

Бибо и Тушка радостно заулыбались, довольные, что капитан Ди помнит их былые заслуги.

– А эти ребята, кто они?

– Это Лесоруб и Ерш. Они работали у Ниньо Гомеса, пока его не...

– Понятно. По виду вроде то, что нужно... Хотя подозреваю, что ничего подобного нам не противопоставят... Ну хорошо, Кубасай, всем увиденным я удовлетворен. Пусть люди отдыхают, а ты бы лучше таблетками лечился, чем спирт глушить.

– Так я, капитан, и таблетки тоже... В смысле не брезгую, – расплылся в улыбке первый помощник.

Ди Пента хотел ему что-то сказать, но потом подумал, что это пустая трата времени. Ведь Кубасай стал спиваться от скуки, не имея больше возможности заниматься разбоем, а в этом была вина и самого Ди Пенты.

15

Через тридцать часов полета, когда стали появляться первые спутники-лоцманы и навигационные станции, Жан Лурье провел первый пеленг:

– Капитан, грузовая калоша RG-17 с грузом тюленьей кожи. Нам нужен такой груз?

– Груз хороший, но у нас нет канала для его реализации. Пусть идет на все четыре стороны...

Спустя полчаса Лурье снова подал голос:

– Прогулочная яхта, капитан...

- «Летучий голландец»?

- Нет, «звезда», но очень богатая. Идет на двух двигателях «сильвер-динамик ВХ»...

- Все равно не нужна. В ней наверняка сидит какой-нибудь барон, а хватать его ради выкупа – дилетантская работа. Возни много, денег мало.

- О'кей, поищем еще...

По мере того как капитан Ди беседовал с Жаном Лурье, он заводился все сильнее. Ди Пента чувствовал, что к нему возвращается то ощущение безграничной силы и могущества, которое он почти забыл: «Сегодня я обязательно кого-нибудь убью. Лично убью. Уже сегодня...»

- Капитан, на этот раз я сделаю вам предложение, от которого вы вряд ли откажетесь и...

- Ну чего тянешь, говори, – нетерпеливо прервал его Ди Пента.

- Одно слово, капитан. «Спэйс Бридж»...

- Да, Жан, бродяга, это королевский подарок...

- Но надо спешить, капитан, пока шаттл плетется еле-еле. Когда он проскочит перекресток, нам за ним не угнаться. Это лайнер новой серии, и движки у него – будь здоров...

- Штурман! – крикнул Ди Пента в переговорное устройство. – Билли, сукин сын! Спишь, что ли?

- Обижаете, капитан... Что-нибудь попало?

- Да, меняй вектор на 2-12-7-«Запад»...

– Понял, капитан, уже разворачиваю... О, да это никак «Спэйс Бридж»! Сплошные брильянты и клевые телки!

– По делу, Свиновоз, по делу! – одернул штурмана капитан.

– Все по делу, кэп. До касания борта двенадцать минут... Если, конечно, он не прибавит тяги. Вон у него какие движки на горбу. Я таких раньше и не видел... И вообще, кэп, меня зовут не Свиновоз, а Свинопас... – оскорбился Билли.

– Извини, учту, – улыбнулся Ди Пента. Он намеренно искажил прозвище штурмана, зная, как его это задевает. – Как там в трюме?

– В трюме все готовы, капитан, – отозвался Кубасай.

– Хорошо, Вова. Я пойду с вами...

– Будем только рады, капитан, – отозвался первый помощник.

Ди Пента подскочил к шкафу и рванул дверцу. Перед ним висели два комплекта брони: тяжелая и легкая. Подумав, он выбрал легкую.

За много лет пребывания в шкафу из доспехов все еще не выветрился запах пота и пороха. Теперь эти ароматы приятно щекотали ноздри.

Бронежилет оказался немного тесноват, пришлось подрегулировать крепления. «Ничего, скоро этот живот подтянется, и я вернусь к прежнему размеру».

Надев шлем, Ди Пента тут же проверил рацию:

– Перовский?

– Перовский слушает, сэр, – сразу же отозвался лейтенант.

«Вот что значит настоящий военный...» – отметил про себя Ди Пента.

– Если шаттл попытается уйти, прострелишь ему один двигатель.

– Понял, сэр. Правый или левый?

– Выбирай, какой нравится, но только осторожно.

– Есть, сэр. Я буду стрелять из туннельной сорокапятки – она точная и острая, как скальпель.

– А это не чересчур?

– Не беспокойтесь, сэр. Если стрелять алюминиевой болванкой, будет то, что нужно.

– Ладно, парень, ты специалист, тебе и карты в руки...

– Внимание, – раздался оповещающий голос Билли Свинопаса, – до касания борта пять минут...

Решив больше не задерживаться, капитан спустился в трюм. Своих бойцов он застал в полной готовности. Первая четверка в тяжелой броне находилась возле самого шлюза. По бокам от них стояли два техника, державших наготове ионные горелки.

– Капитан, – подбежал к Ди Пенте Кубасай, – прошу в четвертый ряд.

– Но я хотел во второй... – начал было капитан.

– Нет, в легкой броне во второй ряд я вас не поставлю, – сказал как отрезал Кубасай, и Ди Пента подчинился – при штурме никто не имел права спорить с бригадиром. Даже капитан.

Ди Пента встал в указанный четвертый ряд и, опустив забрало, передернул затвор своего излюбленного «людвига». Это было так приятно – почувствовать себя не капитаном, а одним из ста пятидесяти бойцов, готовых рвануться через абордажную пробоину.

Когда-то очень давно таких предосторожностей не требовалось совсем. «Купцы» шли безо всякой охраны, и брать их можно было голыми руками. Но по мере роста количества нападений «купцы», а потом и пассажирские шаттлы стали вооружаться.

Ди Пента запомнил тот случай, когда его ребята в легкой броне беспечно ожидали, пока техники вырежут дверь пассажирского шаттла ТСА.

Они думали только о красивых стюардессах, а когда дверь ввалилась внутрь, в шлюзовой камере шаттла их поджидали три установки «фаер-шоу».

Никогда в жизни Ди Пента не видел такой бойни. От боевиков, их бронекостюмов и оружия практически ничего не осталось.

Из полутора сотен выжили только тридцать человек, да и те были сильно покалечены. Межтрюмные перегородки оказались пробиты во многих местах, и «Окуню» потребовался серьезный ремонт.

С тех пор при подготовке к проникновению на борт очередного судна пираты капитана Ди проявляли чрезвычайную осторожность и придерживались строгой дисциплины.

Другие пиратские капитаны тоже изменили правила игры. Один только самоуверенный Ниньо Гомес продолжал работать по старинке, пока не наткнулся на шаттл с «фаер-шоу». Его судно «Бекас» так отделали, что оно уже не подлежало восстановлению. Сам Ниньо Гомес погиб, а его команда разбежалась.

Ди Пента помнил, какой беспредел в Северном районе творили пираты во время войны, но, когда боевые действия утихли, в район пришли полицейские «Грей Хантеры».

Они быстро перебили многочисленных дилетантов, склотивших свои команды из опустившихся дезертиров, и «вольных капитанов» сильно поубавилось.

Профессионалы стали действовать осторожнее и уходили на охоту в другие районы. А некоторые, вроде Ди Пенты, нашли для себя менее опасное занятие...

И вот Ди Пента снова в строю.

– Тридцать секунд до касания борта, – раздался в наушниках голос Билли Свинопаса.

Ожидая резкого толчка, боевики согнули колени. Все происходило точно по графику, ускользнуть жертва пока не пыталась. Неожиданно по иллюминаторам трюма резанул яркий свет – корпус «Окуня» слегка загудел.

«Ага, значит, все-таки пытались бежать...» – подумал Ди Пента.

– Поправка, – снова слышался голос штурмана, – до касания минута двадцать секунд...

Вскоре последовал резкий удар, и несколько солдат не удержались на ногах. По правому борту слышалось щелканье магнитов, а это означало, что «Окунь» прилип к шаттлу, а не отскочил при ударе, как мячик.

– Шлюз загерметизирован... – объявил штурман.

Дверь поехала вверх, и взорам пиратов предстал фрагмент обшивки шаттла. Его лакированная поверхность была идеальна, на белом фоне красовались буква «а» и половинка «п».

Не обращая внимания на эту красоту, резчики тотчас приступили к работе. В трюм повалил едкий дым, пираты включили дыхательные приборы.

Через две минуты техники выключили горелки и отбежали в сторону.

– Делай! – необыкновенно громко прозвучал в наушниках голос Вовы Кубася. От этой команды все, кроме передней четверки, встали на одно колено и наклонили головы. – Делай! – вновь слышался голос Кубася.

Один из четверки поднял свой «каскад» и выстрелил кумулятивной ракетой. Кусок вырезанного борта провалился внутрь шаттла – абордажная пробоина была готова.

Никакого сопротивления пираты не встретили и безо всяких проблем оказались внутри пассажирского лайнера.

– Ты только посмотри, в старых модификациях здесь находился салон первого класса, а теперь ресторан... – оглядывая богатое убранство, сказал Кубасай и, проходя мимо одного из столов, взял из вазочки горсть орехов.

В ожидании вторжения все пассажиры уже сидели в своих каютах, а персонал ресторана выстроился в шеренгу, словно приветствуя незваных гостей.

Зная свою работу, полторы сотни пиратов рассеялись по трем этажам шаттла, и вскоре слышались первые крики испуганных пассажиров.

– Эй, Бени... – окликнул Кубасай одного из пиратов, – давай сюда экипаж...

Тот, кого первый помощник назвал Бени, кивнул и, взяв с собой еще двух пиратов, побежал выполнять приказание.

Ди Пента снял шлем и уселся на неудобный стульчик. Из шеренги официантов вышел лысоватый толстый человек. Он держал в руках поднос, уставленный самыми дорогими напитками.

– Э... в-ваше превосходительство, не побрезгуйте нашим скромным угощением.

На едва гнущихся ногах толстяк подошел к столику капитана Ди и поставил перед ним поднос.

Кубасай поднял пистолет и выстрелил. Лысый повалился на пол.

– Ты чего? – Кубасай пнул мертвое тело. – Мы же на работе!

Ди Пента улыбнулся. Иногда ему нравились шутки Вовы. Появились первые пленники – несколько пиратов выгнали на середину зала дюжину молодых людей.

– Кто эти симпатичные ребята, Квакер? – спросил капитан Ди.

- Они утверждают, кэп, что работают здесь стюардессами, – ответил пират.
- С-стюардами, сэр, – поправил один из пленников.
- А зачем нам стюарды, Вова? – спросил Ди.
- Ума не приложу, – изобразил удивление Кубасай.
- Эй, ты, – ткнул пальцем Ди Пента, – который разговорчивый... Снимай штаны...
- Н-не понял, с-сэр...
- Че непонятно-то! – заорал Кубасай.

Стюард быстро спустил штаны и замер по стойке «смирно».

- Теперь повернись к нам спиной и нагнись... Побыстрее... – приказал Ди Пента.

Лицо стюарда покраснело, но он выполнил то, что от него требовали.

- Что скажешь, Квакер? – спросил капитан.
- Не, это на любителя. Мне больше бабы нравятся.
- А ты, Вова?

- Я тоже пас. Вот был у нас Фридрих по кличке Лом. Он бы не отказался, это точно.

- Но Лому, насколько я помню, снесли башку, – заметил Ди Пента. – Вот к чему приводит пристрастие к таким безобразиям... Эй вы, все остальные, становитесь так же, как ваш коллега.

Стюарды безропотно подчинились.

– А что нам делать с официантами? – спросил Кубасай, кивнув на шеренгу людей в белых смокингах.

– Пускай убираются, – махнул рукой Ди Пента. – Мужчина-официант – это не криминал.

– Валите отсюда, – распорядился Кубасай, и официанты мгновенно растворились на кухне.

На втором этаже послышались истошные женские крики, затем прозвучали два выстрела, и крики оборвались.

– Небось кольцо отдавать не хотела, – предположил Кубасай.

– Не иначе, – согласился Ди Пента. – В первом классе всегда ездит такое дерьмо...

Подталкиваемый двумя пиратами, на середину зала выбежал человек в темно-вишневом бархатном пиджаке. Его ботинки имели слишком высокий каблук, а на голову было вылито слишком много бриолина. Натолкнувшись взглядом на ряд голых ягодич, человек замер.

– Какое свинство, не правда ли? – Ди Пента поднялся со стула и пошел навстречу человеку в бархатном пиджаке. – Я говорю, это свинство, – кивнул капитан Ди в сторону стюардов, – вы со мной не согласны?

– Согласен, сэр, полностью согласен... Я просто... Это так неожиданно...

– Вы возмущены, не правда ли?

– Да-да, сэр, безмерно возмущен, – залебезил новый гость.

– Квакер, прекрати это безобразие, – приказал Ди Пента.

Пират поднял «людвиг» и длинной очередью повалил на пол всех стюардов. Потом отщелкнул пустой магазин и показал его капитану.

- Во! В один рожок уложился...

- Теперь мы можем спокойно поговорить. Кто вы такой?

- Я... я... - Лицо нового гостя было белее снега, и он совсем не мог говорить.

- Что он такое? - обратился Ди Пента к приведшим пленника пиратам.

- Он телок везет - высший класс! Пятнадцать штук! Говорит, что, если мы не будем их трогать, получим кучу монет!

- Эй, приятель, ты в состоянии говорить? - снова обратился Ди Пента к пленнику. - Что за телки и что за деньги? Объясни...

- Я-я... имп-пресарио... Я в-везу су-супермоделей агентства «Мария фон Ганзен». Если вы не нанесете им вреда, то можете получить от агентства выкуп в размере миллиона кредитов.

- Что, действительно хорошие телки? - снова обратился капитан к пиратам.

- Полный атас, капитан. Я только одну пощупал - и до сих пор торчу...

- Вот... - укоризненно качая головой, повернулся к импресарио Ди Пента. - А ты говоришь, миллион...

- Ну... Может быть, д-два... - промямлил пленник, глядя на поднимающийся к его лбу ствол «людвига». - Или... даже... три миллиона... Да-да, я уверен, они заплатят и три! Я уве...

Одиночный выстрел оборвал поток обещаний.

- Если это те самые телки, - глядя на убитого, проговорил Ди Пента, - тогда мы получим все сто миллионов...

Капитан сделал паузу.

– Сто, а не два, приятель, – улыбнулся капитан, наступив на труп импресарио. – Идем посмотреть этих цыпочек...

16

Как только шаттл начал резко разгоняться, Сэнди сразу поняла, что случилось что-то непредвиденное. Затем последовал сильный удар в корму судна, и вой двигателей смолк так же неожиданно, как и возник.

Перегрузка перестала вдавливать пассажиров в стены и кресла. Еще один резкий толчок в правый борт – и те, кто стоял, повалились на пол.

Наконец все стихло, через стены купе можно было слышать стоны пассажиров, получивших травмы.

– Что случилось? – удивительно спокойно спросил у Сэнди ее сосед по купе. Он нацепил на нос соскочившее от толчка золотое пенсне и, приоткрыв дверь, выглянул в коридор.

– О, мисс Шлоссер! Там такая суета, стюарды как с ума посходили! – Он повернул к Сэнди озабоченное лицо. – Как вы думаете, мисс Шлоссер, это не пираты?

– Откуда здесь быть пиратам, мистер Бокс-Биндер? В «Спэйс Бридж» нас уверяли, что все пиратские набеги в прошлом...

В этот момент по салонам прокатилась волна гидравлического удара, некоторые из пассажиров схватились за уши.

– Мы теряем воздух! – раздались отовсюду истерические голоса.

– Мы получили пробоину!

Волны паники начала распространяться во все стороны. Некоторые пассажиры выбегали в коридоры и звали стюардов. Затем послышалось несколько

выстрелов, толпа хлынула обратно в каюты.

Бокс-Биндер снова выглянул в коридор и в ужасе отпрянул. Захлопнув дверь, он посмотрел выпученными глазами на Сэнди.

– Мисс-с-с Шлос-сер... – прошептал он трагически свистящим шепотом. – Там солдаты... Много солдат... – Золотое пенсне Бокс-Биндера раскачивалось на шелковом шнурке, но он этого не замечал.

– Ничего страшного, если это пираты, они нас только ограбят и все... – попыталась успокоить своего соседа Сэнди, но сама она не особенно верила тому, что говорила.

Тем временем крики и шум в коридоре стали нарастать и все чаще слышались выстрелы. Топот солдат становился ближе.

Сэнди достала свои дорожные чеки и немного наличных. Прибавила к этому свои кораллы, длинную нитку жемчуга, два перстня и рубиновые сережки. Их было особенно жалко, ведь Сэнди покупала их на собственное жалованье. Остальные драгоценности она получила в управлении, и все они были застрахованы.

Едва не соскочив с петель, дверь в купе распахнулась, и на пороге появился огромный парень в тяжелой штурмовой броне. Он широко улыбался, но косой шрам через все лицо делал его похожим на вестника смерти.

– Заждались? – Пират шагнул в каюту, и просторные апартаменты первого класса показались тесными.

Сэнди протянула незваному гостю свои украшения и деньги.

– Толково петришь, крошка! – еще шире улыбнулся Лесоруб. Он принял деньги с драгоценностями и опустил их в небольшой пластиковый мешок. Дорожные чеки вернул обратно: – Теперь вещи неси...

– Они в багаже, сэр...

– Я знаю, что в багаже. Туалеты всякие при тебе? Вот давай их сюда...

Сэнди вышла в персональную спальню и принесла коробку для платьев.

- Открывай...

Девушка открыла коробку и разложила на диване четыре своих платья.

- Ага, вот... - сказал Лесоруб. Он вытащил из ножен огромный нож и, подойдя к платьям, срезал с одного из них пуговицы, украшенные маленькими бриллиантами.

- Видишь, как я аккуратно, - пророкотал пират, глядя на Сэнди, - пуговички пришьешь новые, и все дела.

- Спасибо... - искренне поблагодарила девушка, понимая, что пират проявляет великодушие.

- А ты че, индюк, особого приглашения ждешь? Чего везешь в спальне? - Не дожидаясь ответа, пират сам проследовал в опочивальню Бокс-Биндера и выволок оттуда огромный сундук.

- Нет! Нет! - закричал пассажир, бросаясь к сундуку, но пират легким движением руки отшвырнул его в сторону, поставил сундук на пол и легко сорвал маленький висячий замок. - Уверяю вас, там нет ничего ценного... - подал голос Бокс-Биндер.

- Я тебе, старый, верю, но все же посмотрю... - ответил пират, выбрасывая из сундука костюмы пассажира. - Так, а это ты чего завернул? - Лесоруб вытащил несколько свернутых в трубку полотен. - Чего в них завернуто, старый?

- Ничего... Это картины...

- Картины? - не поверил пират. Он развернул полотна и действительно ничего в них не нашел. - А чего же они без рам и такие старые? На новые денег, что ль, не хватило?

- Это же ранний Рослен... Этим полотнам двести лет...

- Короче – рухлядь... – заключил Лесоруб и, отбросив картины в сторону, стал снова копаться в сундуке. – Это золото? – спросил он, держа в руках подсвечник из желтого металла.

- Нет, это старинная бронза, – торжественно, словно на музейной экскурсии, произнес Бокс-Биндер.

Пират с сомнением посмотрел на подсвечник и для верности поскоблил его ножом. Лицо Бокс-Биндера исказила судорога.

- Действительно не золото, – согласно кивнул пират.

- Эй, Лесоруб! – В проеме двери показалась физиономия Ерша. – Ты еще долго?

- Уже заканчиваю, – отозвался Лесоруб.

- Клевая телка, – сказал Ерш, окидывая взглядом Сэнди.

- Клевая, – кивнул его напарник, не отвлекаясь от разборки сундука.

- А старикан противный – харя кислая, – продолжал Ерш.

- Кислая, – опять согласился Лесоруб.

- Ты его грохни...

- Грохну, грохну, – отвлекся наконец Лесоруб, – иди, не мешай работать.

Ерш исчез. Откуда-то со стороны ресторана послышалась длинная автоматная очередь. Бокс-Биндер напрягся. Вой и крики в коридоре продолжались.

- О, а вот это точно золото! А ты, старикан, говорил, ничего ценного... – Пират держал в руках деревянную шкатулку, наполненную старинными золотыми монетами. – Ты меня подвел, старый, – покачал головой Лесоруб и вытащил из-за пояса автоматический пистолет.

Сэнди картинно закрыла лицо руками. Ей не раз случалось видеть убийства, но пирату знать об этом было незачем.

Реакция девушки смягчила Лесоруба.

– Только ради этой крохи, старый, я даю тебе шанс, – сказал он и, взяв одну из золотых монет, объявил приговор: – «Орел» – пристрелю, «решка» – дам в морду...

Не отводя пистолета ото лба еле живого от страха Бокс-Биндера, Лесоруб левой рукой подбросил монету и потом ловко ее поймал.

Огромный кулак врезался в переносицу несчастного коллекционера, и тот, перелетев через свой сундук, приземлился на стоящий в углу журнальный столик. Столик разлетелся на несколько частей, а Бокс-Биндер издал слабый стон.

– Вот видишь, – изрек пират, – везучий ты...

Когда грабитель ушел, Сэнди, не обращая внимания на стонущего соседа, подкралась к полуоткрытой двери и выглянула в коридор.

По всей видимости, всех пассажиров этого этажа уже ограбили, потому что солдат нигде видно не было. На полу в коридоре лежали тела тех, кто не хотел расставаться со своими бриллиантами. Сэнди узнала некоторых из убитых – это были самые богатые пассажиры.

Если эти разбойники ушли, довольствуясь только награбленным, это хорошо, но... В этот момент снова загремели солдатские ботинки, и в коридоре появились пираты.

Они шли целенаправленно, не заглядывая в обчищенные каюты. Сэнди поняла: пираты шли за супермоделями, а это означало, что Сахарный мог снова сорваться с крючка.

Допустить это было никак нельзя – на счету Сахарного сотни тысяч жизней мирного населения и сорок два агента АПР. Сэнди, она же агент Джин, была

сорок третьим «охотником», кому посчастливилось выйти на след Сахарного. И что теперь? Вывод один: Сэнди должна оказаться в числе наложниц. Пираты не дураки, девочек из агентства они будут беречь для выкупа, а для развлечения им сойдет товар попроще...

Сэнди отошла в глубь каюты и, присев на краешек дивана, стала наблюдать. Мимо приоткрытой двери проследовала группа пиратов. Они прогрохотали ботинками до самого конца коридора, где располагались каюты, арендованные агентством «Мария фон Ганзен». Агент Джин внимательно прислушивалась к доносившимся издали голосам, и ей становилось понятно, что никакого скандала не происходит. Вскоре процессия отправилась обратно. На этот раз украшенная дамами. И какими дамами! Мимо приоткрытой двери проплывали девушки одного из самых лучших агентств федерального пространства.

Лили Браун – сорок три миллиона кредитов в год и неповторимые синие глаза.

Фосси Ласточка – тридцать семь миллионов, постоянная героиня романтических приключений.

Страстная Замира Ле Форш – пятьдесят миллионов в год, высокие скулы, раскосые глаза и «розовые» наклонности.

Сандра Купер – тридцать пять миллионов, с неизменной сигаретой в руке и мыслями о суициде...

Все пятнадцать красавиц уверенно, как на подиуме, следовали по коридору, хладнокровно перешагивая через трупы. Они вели себя так, будто приглашены на великосветскую вечеринку.

Итак, Сахарный ускользал вместе с пиратами, а Сэнди приглашать никто не собирался. Агент Джин лихорадочно соображала, как ей поступить. В этот момент в коридорах снова послышался топот, смех пиратов и крики женщин.

«Ага, вот он, мой шанс...» – решила Сэнди. Топот уже слышался по всему коридору.

– Что там происходит? – подал из своего угла голос Бокс-Биндер.

- Тише, лежите и не вставайте, - приказала ему Сэнди.

Однако время шло, а никто из пиратов в каюту не заходил. Те, кто разжился наложницами, увлакивали их, визжащих, вниз, и в коридоре становилось тише. Сэнди даже стало немного обидно - она никому не нужна. Ей только двадцать восемь лет, а она уже никому не нужна...

- Где-то здесь, я же помню... - раздался из коридора приглушенный голос.

- Да пойдём, Ерш, её, наверно, кто-то из ребят уволок. Видишь, номер двадцать четыре и никого нет. Значит, она достанется другому парню...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/orlov_aleks/vzglyad-iz-nochi

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)